

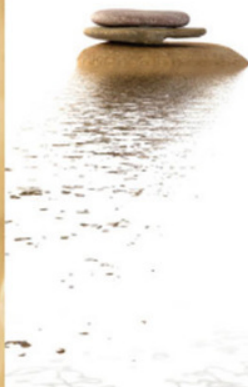
OSHO



Абсолютное Дао

Беседы о трактате
Лао-цзы «Дао Де Цзин»

ОШО



Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Абсолютное Дао.
Беседы о трактате Лао-
цзы «Дао Де Цзин»
Серия «Путь мистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8963234

*Абсолютное Дао. Беседы о трактате Лао-цзы «Дао Де Цзин» (Из цикла бесед Ошо «Дао: три сокровища»); Издательская группа «Весь»; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-9573-1581-0*

Аннотация

В этой книге представлен цикл бесед Ошо, в которых он комментирует небольшой трактат Лао-цзы «Дао Де Цзин», ставший одним из памятников восточной мудрости.

Как всегда с пониманием и любовью, с юмором и глубокими прозрениями в суть вещей Ошо помогает нам совершить путешествие к источнику истины.

«Мое существо и Лао-цзы – одно целое. Я – это он» – говорит Ошо. Это метафора, но она дает нам понимание связи между создателем сутр и тем, кто их комментирует. Образно, доступно и просто Ошо раскрывает слушателям суть послания даосского

мудреца и дает возможность увидеть то, что стоит за словами древних сутр, так глубоко и полно, как если бы их комментировал сам Лао-цзы.

Содержание

Глава 1. Об абсолютном Дао	6
Глава 2. Обыкновенность	47
Глава 3. О качествах Дао	86
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ошо

Абсолютное Дао.

Беседы о трактате Лао-

цзы «Дао Де Цзин»

(Из цикла бесед Ошо

«Дао: три сокровища»

Absolute Tao. Talks on Tao Te Ching by Lao Tzu

Перевод на русский язык *О. А. Кудрявцевой (Ma Prem Disha)* под редакцией *В. И. Тумшина (Swami Prabodh Vardhan)*

*** * ***

Глава 1. Об абсолютном Дао

Об Абсолютном Дао Лао-цзы говорит:

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

О происхождении взаимосвязанных противоположностей
он говорит:

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как
прекрасное,

Появляется и признается уродство.

Когда все в Поднебесной постигают добро как добро,

Появляется и признается зло.

Поэтому

Бытие и небытие порождают друг друга;

Трудное и простое дополняют друг друга;

Длинное и короткое соотносятся друг с другом;

Высокое и низкое определяют друг друга;

Звуки и голоса сливаются в гармонии;

То, что впереди, и то, что позади, следуют вместе.

Поэтому мудрец

Совершает деяния, пребывая в бездействии;

Проповедует учение, не прибегая к словам.

В бесчисленном множестве вещей

Он ничего не отвергает;

Все принимая, он ничем не обладает;
Действуя, не ожидает вознаграждения;
Достигая совершенства, не требует уважения.

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Я говорю о Махавире из чувства долга – мое сердце не с ним. Он слишком математичен. Он не мистик, в нем нет поэзии существования. Он велик, он просветлен; но он похож на огромную пустыню; в нем невозможно найти ни одного оазиса. Но поскольку я родился джайном, мне приходится отдавать долги. Я говорю о нем из чувства долга, но мое сердце не с ним – я говорю о нем только из ума. Когда я комментирую Махавиру, я говорю как сторонний наблюдатель. Махавиры нет внутри меня, а меня нет внутри него.

То же самое я могу сказать о Моисее и Магомете. У меня нет желания говорить о них, и я не говорю о них. Если бы я не родился джайном, я бы никогда не говорил и о Махавире. Мои ученики-мусульмане и мои ученики-иудеи часто подходят ко мне и спрашивают: «Почему ты не комментируешь Магомета или Моисея?» Мне трудно им это объяснить. Глядя на их лица, я много раз принимал решение сделать такие комментарии; много раз я приглядывался к высказываниям Моисея и Магомета, но затем снова отодвигал их в сторону. Ничто не отзывалось в моем сердце. Если бы я стал говорить о них, это было бы нечто мертвое. Я даже не испытываю к

ним чувства долга, как к Махавире.

Они все относятся к одной категории: они слишком расчётливы и придерживаются крайних взглядов, отвергая при этом другую полярность. Они представляют собой одиночные ноты – не созвучия, не симфонии. У одиночной ноты есть своя красота, строгая красота, но такая нота монотонна. Слышать ее время от времени – одно дело, но если нота продолжает звучать долго, вы чувствуете скуку, вам хочется прервать ее звучание. Личности Махавиры, Моисея и Магомета подобны одиночным нотам – простым, строгим, даже красивым – когда их слышишь изредка. Так что если я встречу на своем пути Махавиру, Моисея или Магомета, я отдам им дань уважения – и убегу подальше от них.

Я говорю о Кришне. В нем множество измерений, он сверхчеловек, чудотворец, но он больше похож на миф, чем на реально существующего человека. Он настолько экстраординарен, что такого человека просто не может быть. Такие люди не могут существовать на этой земле – они существуют только как сны. Мифы – это не что иное, как коллективные сны. Все человечество видит эти сны... красивые, но неправдоподобные. Я говорю о Кришне и наслаждаюсь, но я наслаждаюсь этим так, как можно наслаждаться красивой историей, и тем, что ее рассказываешь. В этом мало смысла – это просто вселенские сплетни.

Я говорю об Иисусе Христе. Он вызывает во мне чувство глубокой симпатии. Я бы хотел страдать вместе с ним, я бы

хотел помочь ему нести его крест. Но мы остаемся в параллельных плоскостях, мы никогда не встречаемся. Он такой печальный, такой обремененный – обремененный страданиями всего человечества. Он не умеет смеяться. Если вы идете рядом с ним слишком долго, вы становитесь печальными, вы перестаете смеяться. Его окружает уныние. Я сочувствую ему, но я бы не хотел быть похожим на него. Я мог бы идти рядом с ним некоторое время и разделить его бремя, но потом бы мы расстались. У нас разные пути. Он добродетельный, но – чересчур добродетельный, почти не по-человечески добродетельный.

Я говорю о Заратустре – очень редко, – но я люблю его, как друг любит друга. С ним можно посмеяться. Он не моралист, не пуританин, он умеет наслаждаться жизнью и всем, что она дает. Он хороший друг, с ним всегда можно быть рядом – но он просто друг. Дружба хороша, но ее недостаточно.

Я говорю о Будде, я люблю его. В течение многих веков, в течение многих жизней я любил и продолжаю любить его. Он чрезвычайно прекрасен, невероятно прекрасен, великолепен. Но он не на земле, он не касается ногами земли. Он парит в небесах и не оставляет следов. За ним невозможно следовать, вы никогда не знаете его местонахождение. Он похож на облако. Иногда вы встречаетесь с ним, но это случайность. Он настолько совершенен, что не может пустить корни в земле. Его предназначение – высшие сферы. В этом отношении он односторонен. Земля и небо не встречаются в

нем. Он божественен, но ему недостает чего-то земного. Он подобен пламени, прекрасному пламени, но у этого пламени нет фитиля, нет чаши с маслом – вы видите пламя, оно поднимается все выше и выше, но ничто не удерживает его на земле. Я люблю его, я говорю о нем из самого сердца, но дистанция все же остается. Она всегда остается в таком явлении, как любовь, – вы подходите все ближе и ближе, но даже в близости дистанция сохраняется. Из-за этого страдают все любящие.

О Лао-цзы я говорю совершенно по-другому. У меня нет к нему никакого отношения, потому что отношение подразумевает дистанцию. Я не люблю его – как можно любить самого себя? Когда я говорю о Лао-цзы, я как будто говорю о самом себе. Мое существо и он – одно целое. Когда я говорю о Лао-цзы, я как будто смотрю в зеркало – в нем отражается мое лицо. Когда я говорю о Лао-цзы, я полностью с ним. Даже сказать: «Я полностью с ним» – будет неверно. Я – это он, он – это я.

Историки сомневаются в его существовании. Я не могу сомневаться в его существовании, потому что – как я могу сомневаться в своем собственном существовании? В тот самый момент, когда я стал возможным, он стал реально существующим для меня. Даже если историки докажут, что он никогда не существовал, для меня это не имеет значения. Он, несомненно, существовал, потому что я существую, я – доказательство. В последующие дни, когда я буду говорить

о Лао-цзы, я не буду говорить о ком-то другом. Я буду говорить о себе – так, как будто Лао-цзы говорит от имени другого человека, от имени другой *намарупы*, другого воплощения.

Лао-цзы не похож на Махавиру, он совсем не математичен, и при этом он очень-очень логичен в своем безумии. У него безумная логика! Когда мы перейдем к его высказываниям, вы постепенно сможете это почувствовать; его высказывания не совсем ясны и понятны. У него своя логика: логика абсурда, логика парадокса, логика безумца. Он задевает за живое.

Логику Махавиры могут понять даже слепые. Чтобы понять логику Лао-цзы, вам придется открыть глаза. Она очень утонченная; это не обычная логика логиков, это логика очень тонкой, скрытой жизни. Все, о чем говорит Лао-цзы, на поверхности кажется абсурдным, но глубоко внутри представляет собой величайшую последовательность. Вы должны проникнуть в нее; чтобы понять Лао-цзы, вам нужно изменить свой ум. Махавиру можно понять, вообще не меняя свой ум; вы можете понять Махавиру, будучи такими, какие вы есть. Он находится с вами на одном уровне. Как бы далеко он ни ушел от вас, несмотря на достигнутую цель, он находится на одном с вами уровне, его путь тот же, по которому идете вы.

Когда вы пытаетесь понять Лао-цзы, то обнаруживаете, что он движется зигзагообразно. Иногда вы видите, что он

идет на восток, а иногда – на запад, так как он говорит, что восток – это запад, а запад – это восток, что они неразделимы, что запад и восток – это единое целое. Он верит в единство противоположностей. А жизнь именно такова.

Поэтому Лао-цзы просто говорит от имени жизни. Если жизнь абсурдна, Лао-цзы абсурден; если у жизни абсурдная логика, у Лао-цзы такая же логика. Лао-цзы просто отражает жизнь. Он ничего не прибавляет, ничего не убавляет. Он просто принимает все таким, каково оно есть.

Духовность Будды увидеть легко, очень легко; ее невозможно не заметить – настолько он великолепен. Но духовность Лао-цзы увидеть непросто. Он такой обычный – совсем как вы. Ваше понимание должно измениться. Будда проходит мимо – и вы сразу чувствуете, что это высшее человеческое существо. Он распространяет вокруг себя волшебный аромат высшего человеческого существа. Его трудно не заметить – почти невозможно. А Лао-цзы... Он может быть вашим соседом. Вы можете его не заметить, потому что он такой обыкновенный, такой удивительно обыкновенный. И в этом есть своя красота.

Стать необычным легко: для этого нужно только усилие, нужны совершенствование, постоянное развитие. Это глубокая внутренняя дисциплина. Вы можете стать очень-очень возвышенным, совершенно неземным. Но быть обыкновенным – это действительно самое необычное явление. Никакое усилие здесь не поможет – необходимо отсутствие уси-

лия. Не помогут никакие практики, никакие методы, никакие способы – только понимание. Даже медитация не поможет. С помощью медитации вы можете стать Буддой. Но она не поможет вам стать Лао-цзы – только понимание. Понимание жизни такой, какая она есть, и проживание ее с бесстрашием – не убегая, не скрываясь от нее, мужественно встречаясь с ней лицом к лицу, что бы там ни было: плохое или хорошее, божественное или дьявольское, рай или ад.

Очень трудно быть Лао-цзы, и очень трудно его распознать. На самом деле, если вы способны его распознать, вы уже Лао-цзы. Чтобы заметить Будду, вам не нужно быть Буддой, но чтобы узнать Лао-цзы, вам самому нужно быть Лао-цзы – иначе это невозможно.

Говорят, что однажды Конфуций решил встретиться с Лао-цзы. Лао-цзы был пожилым человеком, Конфуций – моложе его. Лао-цзы был практически неизвестен, Конфуций – знаменит. Короли и императоры приглашали Конфуция ко двору, мудрецы приходили к нему за советом. В то время он был самым мудрым человеком в Китае. Но потом он, должно быть, почувствовал, что мудрость, приносящая пользу другим, его самого не наполняла блаженством, никуда его не вела. Он стал знатоком, полезным, может быть, для других, но не для самого себя.

Поэтому он тайне начал искать кого-нибудь, кто мог бы ему помочь. Обычные мудрецы были не в состоянии ему по-

мочь, так как они сами приходили к нему за советом. Великие ученые не могли ему помочь, поскольку они сами спрашивали его о своих проблемах. Но должен же быть кто-нибудь – мир так велик! В тайне от всех он начал поиск.

Он попросил своих учеников найти того, кто мог бы ему помочь. Они вернулись с известием, что есть один человек – никто не знает его имени, – которого называют Стариком. Лао-цзы значит «старик». Лао-цзы – это не имя, никто не знает его имени. Он был настолько неизвестен, что никто не знает, где он родился и кто были его родители. Он прожил девяносто лет, но лишь немногим довелось встретиться с ним, очень немногим, – тем, у которых были другие глаза и другое видение, и поэтому они смогли понять его. Только избранные знали о нем – такой обыкновенный человек, но постичь его могли лишь редчайшие из человеческих умов.

Узнав, что существует человек, известный как Старик, Конфуций отправился к нему. Когда он увидел Лао-цзы, то почувствовал, что этот человек обладает огромным пониманием, огромной интеллектуальной честностью, огромной проницательностью, гениальностью. Конфуций почувствовал, что в Лао-цзы что-то есть, но не мог понять, что именно. В нем было что-то загадочное, мистическое; он не был обычным человеком, хотя выглядел совершенно обыкновенно. Что-то было скрыто в нем, какое-то сокровище.

Конфуций спросил: «Что ты скажешь о морали? Что ты скажешь о том, как развить добродетельный характер?» По-

сколько Конфуций был моралистом, он считал, что если вы разовьете добродетельный характер, то это будет величайшее достижение.

Лао-цзы громко рассмеялся и ответил: «Вопрос о морали возникает только в том случае, если ты аморален. И о характере ты думаешь только в том случае, если у тебя нет никакого характера. Человек с характером даже не подозревает, что существует что-то вроде характера. Моральный человек не знает, что значит слово „мораль“. Поэтому не будь глупцом! И не пытайся ничего развивать. Просто будь естественным».

И у этого человека была такая мощная энергия, что Конфуций начал дрожать. Он не смог находиться рядом с Лао-цзы. Он сбежал. Он испугался – испугался так, словно оказался на краю бездны. Когда он вернулся к своим ученикам, ждавшим его под деревом, те не поверили своим глазам. Этот человек бывал у императоров, у величайших императоров, и они никогда не замечали в нем никакой нервозности. А сейчас он дрожал весь в холодном поту. Ученики не верили своим глазам – что случилось? Что этот Лао-цзы сделал с их учителем? Они спросили его об этом, и он ответил: «Подождите немного. Дайте мне прийти в себя. Этот человек опасен».

И вот что рассказал он своим ученикам о Лао-цзы: «Я слышал об огромных животных, таких как слоны, и я знаю, как они ходят. Я слышал о загадочных животных в море, и я знаю, как они плавают. Я слышал об огромных птицах, кото-

рые летают на тысячи миль от земли, и я знаю, как они летают. Но этот человек – дракон. Никто не знает, как он ходит. Никто не знает, как он живет. Никто не знает, как он летает. Никогда не приближайтесь к нему – он подобен бездне. Он похож на смерть».

Именно так можно описать мастера: мастер похож на смерть. Если вы подходите к нему близко, слишком близко, вас охватывает страх, вы начинаете дрожать. Вами овладевает неизвестный страх, как будто вы скоро умрете. Говорят, что Конфуций больше не встречался с этим стариком.

С одной стороны, Лао-цзы был обычным, с другой стороны, – самым необычным человеком. Его необычность не такая, как необычность Будды. Он был необычным совершенно по-другому, его необычность была не так очевидна – она была скрытым сокровищем. Он не был чудотворцем, как Кришна, он не творил никаких чудес, но все его существо являло собой чудо: то, как он ходил, то, как смотрел на вас, то, каким он был. Все его существо было чудом.

Он не был печальным, как Иисус; он умел смеяться, он мог смеяться из самого живота. Говорят, что он смеялся в момент рождения. Дети рождаются с плачем, с криком. О нем говорят, что он родился, смеясь. Я чувствую, что это наверняка правда: такой человек, как Лао-цзы, скорее всего родился смеющимся. Он не печален, как Иисус. Он умеет смеяться и смеяться от души, но глубоко внутри в его смехе есть

печаль, сострадание – сострадание к вам, ко всему существованию. Его смех неповерхностен. Заратустра смеется, но его смех другой – в нем нет печали.

Лао-цзы печален, как Иисус, и печален не как Иисус; Лао-цзы смеется, как Заратустра, и смеется не как Заратустра. В его грусти есть смех. В его смехе есть грусть. В нем встречаются противоположности. Лао-цзы – это созвучие, симфония.

Помните... я не комментирую его. Между ним и мной нет дистанции. Он говорит с вами через меня: через другое тело, другое имя, другое воплощение – но говорит тот же самый дух.

Теперь мы переходим к сутре:

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Позвольте мне сначала рассказать вам, как эти сутры были написаны, потому что это поможет вам их понять. Лао-цзы жил девяносто лет – на самом деле, он ничего не делал, кроме того, что жил. Он жил тотально. Ученики неоднократно просили его написать что-нибудь, но он всегда говорил: «Дао, о котором можно что-то сказать, – не настоящее Дао. Истина, о которой можно что-то сказать, немедленно становится ложью». Поэтому он ничего не говорил, ничего не писал. Что же тогда делали рядом с ним ученики? Они просто находились в его присутствии. Это называется «сатсанг» – находиться в присутствии. Они жили рядом с ним, гуляли с

ним, они просто впитывали его сущность. Находясь рядом с ним, они старались ему открыться. Находясь рядом с ним, они старались ни о чем не думать. Находясь рядом с ним, они все больше и больше погружались в тишину. В этой тишине он встречался с ними, он приходил к ним, он стучал в их двери.

В течение девяноста лет он отказывался что-либо написать или сказать. Такова его позиция: истине невозможно научить. Как только вы говорите что-то об истине, она перестает быть истиной, попытка высказать ее превращает истину в ложь. Истине невозможно научить. Самое большее, что можно сделать, это указать направление. И этим указанием должно быть все ваше существо, вся ваша жизнь – но невозможно указать направление словами. Лао-цзы был против слов. Он был против языка.

Говорят, что по утрам он обычно выходил на прогулку и его часто сопровождал сосед. Прекрасно зная, что Лао-цзы не любит разговаривать, что он – человек абсолютной тишины, сосед всегда молчал. Не допускалось даже произносить слово «привет», не допускалось даже говорить о погоде. Сказать: «Какое прекрасное утро!» – было бы излишней болтовней. Лао-цзы совершал дальние прогулки, в несколько миль, и сосед шел за ним следом.

Так продолжалось много лет, но однажды у соседа гостил один знакомый, он тоже захотел пойти с ними, и сосед взял

его с собой. Тот ничего не знал о Лао-цзы и о его привычках. Он чувствовал себя подавленным, потому что его друг ничего не говорил и этот Лао-цзы ничего не говорил, и он не мог понять, почему они молчат. Эта тишина была для него тягостной.

Если вы не умеете пребывать в тишине, она становится тягостной. Вы говорите не для того, чтобы общаться, – нет. Вы говорите, чтобы освободиться от того, что вам мешает. В действительности, общение через слова невозможно; все как раз наоборот – так вы можете избежать общения. Разговаривая, вы создаете вокруг себя оболочку из слов, и поэтому никто не может узнать о вашем истинном состоянии. Вы прикрываетесь словами.

Этот человек чувствовал смущение и дискомфорт; ему было неловко. Его распирало от желания что-нибудь сказать. Поэтому, когда солнце появилось над горизонтом, он произнес: «Какое восхитительное солнце, смотрите!.. Какой прекрасный восход! Какое чудесное утро!»

И это все, что он сказал. Но ему никто не ответил, потому что его друг знал, что Лао-цзы это не понравится. И уж, конечно, сам Лао-цзы ничего не сказал, ничего не ответил.

Когда они вернулись, Лао-цзы сказал соседу: «Завтра не приводи этого человека. Он болтун». А тот всего лишь произнес: «Какое восхитительное солнце! Какое чудесное утро!» Только это – за два или три часа прогулки. Но Лао-цзы сказал: «Больше не бери с собой этого болтуна. Он слиш-

ком много говорит и говорит без толку – ведь у меня тоже есть глаза, я и сам вижу, что солнце восходит, что оно прекрасно. Зачем об этом говорить?»

Лао-цзы жил в безмолвии. Он всегда избегал разговоров об истине, которой достиг, и всегда отвергал мысль о том, чтобы написать что-то для будущих поколений.

В возрасте девяноста лет он покинул своих учеников. Он попрощался с ними и сказал: «Теперь я ухожу в горы, в Гималаи. Я ухожу туда, чтобы подготовиться к смерти. Хорошо быть рядом с людьми, хорошо находиться в мире, пока ты жив, но когда приближается смерть, лучше оказаться в полном уединении, чтобы отправиться к изначальному источнику в абсолютном одиночестве, в абсолютной чистоте, не замутненной миром».

Ученики очень опечалились, но что они могли поделать? Они прошли с ним вместе несколько сотен миль, затем, наконец, Лао-цзы уговорил их вернуться. После этого, когда он уже один пересекал границу, его задержал стражник. Стражник тоже был его учеником. Он сказал: «Пока ты не напишешь книгу, я не позволю тебе перейти границу. Ты должен сделать это для человечества. Напиши книгу. Это твой долг, который ты обязан заплатить, иначе я не пропущу тебя». Так что в течение трех дней Лао-цзы сидел под арестом у собственного ученика.

Это прекрасный поступок. В нем много любви. На Лао-

цзы было оказано давление, и в результате родилась эта маленькая книга – книга Лао-цзы «Дао Де Цзин». Он вынужден был написать ее, потому что его ученик не пропускал его через границу. Этот ученик был стражником, он обладал властью и мог создать сложности для Лао-цзы, поэтому Лао-цзы пришлось написать эту книгу. Он закончил ее через три дня.

Вот первое предложение книги:

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Это – первое, что он хочет сказать: то, что выражено словами, не может быть истинным. Это вступление к книге. Оно просто заставляет вас быть бдительными, предупреждая: сейчас последуют слова, не становитесь жертвой слов. Помните о том, что находится за пределами слов. Помните о том, что нельзя передать с помощью языка, с помощью слов. Дао можно передать, но оно может быть передано только от существа к существу. Оно может быть передано, только когда вы находитесь рядом с мастером, просто рядом с мастером – ничего не делая, даже ничего не практикуя. Оно может быть передано, когда вы просто находитесь в присутствии мастера.

Почему истину нельзя выразить словами? В чем сложность? Истину нельзя выразить словами по многим причинам. Первая и самая главная причина в том, что истина всегда постигается в тишине. Она постигается, когда останавливается ваш внутренний монолог. А если вы постигли ее в

тишине, как вы можете выразить это с помощью звуков? Это переживание. Это не мысль. Если бы это была мысль, она могла бы быть выражена, это было бы не трудно. Какой бы сложной ни была мысль, можно найти способ ее выразить. Самую сложную теорию Альберта Эйнштейна – теорию относительности – можно записать в виде символов. С этим нет проблем. Возможно, ее смогут понять немногие, но речь не об этом. Ее можно выразить.

Говорят, что когда Эйнштейн был жив, только двенадцать человек во всем мире понимали его и то, о чем он говорит. Но даже этого достаточно. Даже если всего один человек может понять, значит, мысль была выражена. И даже если никто не может чего-то понять прямо сейчас, возможно, через несколько веков появится человек, которому это удастся. Тогда это действительно было выражено. Если это когда-нибудь может быть понято, значит, это было выражено.

Но истину невозможно выразить, потому что она постигается в тишине, в отсутствии звуков, в отсутствии мыслей. Вы постигаете ее с помощью *не-ума*, когда ум отброшен. Как можно использовать для выражения истины то, что должно быть отброшено еще до того, как истина будет достигнута? Ум не способен понять, ум не способен постичь – как он может что-то выразить? Запомните это как правило: если ум способен что-то постичь, он может это выразить; если ум не способен постичь, он не может выразить. Любые слова бессильны. Истину невозможно выразить.

Тогда зачем существуют писания? Тогда чем занимается Лао-цзы? Зачем нужны Упанишады? Они все пытаются выразить словами то, о чем нельзя сказать словами, в надежде, что у вас появится желание узнать это. Истину невозможно выразить в словах, но сама попытка это сделать пробуждает в слушателе желание узнать это невыразимое. Можно пробудить в нем жажду.

Вернее, жажда уже есть, нужна небольшая провокация. Вы уже жаждете – как же иначе? Вы не являетесь блаженными, экстатичными. Вы – жаждущие. Ваше сердце – горящий огонь. Вы ищете то, что могло бы утолить жажду, но не находя воды, не находя источника, вы постепенно начинаете подавлять саму жажду. Это единственный выход – иначе вам не выдержать, жажда не позволит вам жить. Поэтому вы подавляете ее.

Такой мастер, как Лао-цзы, прекрасно знает, что истину невозможно выразить словами, но сама попытка выразить ее что-то спровоцирует, вынесет подавленную жажду на поверхность. А когда жажда выходит на поверхность, начинается поиск, исследование. Мастер подталкивает вас.

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Самое большое – оно может быть относительным.

Например, мы можем рассказывать о свете слепому человеку, прекрасно зная, что невозможно передать ему ощущение света, поскольку у него нет такого переживания. Но мы

можем рассказывать о свете – потому что существуют теории о нем. Даже слепой человек может стать знатоком теорий о свете, науки о свете – с этим нет проблем, – но он не поймет, что такое свет. Он поймет, из чего состоит свет. Он поймет физику света, химию света, поэзию света, но не поймет, что такое свет, не поймет, что он действительно собой представляет. Слепой человек не сможет его ощутить. Поэтому все, что слепому рассказывают о свете, относительно: это что-то, связанное со светом, но не сам свет. Свет не передается с помощью слов.

Можно что-то сказать о божественном, но божественное не может быть высказано; можно что-то сказать о любви, но любовь не может быть высказана. Это «что-то» остается относительным. Оно зависит от слушателя – от его понимания, сообразительности, образования, его желания понять. Оно зависит от мастера – его способа выражения, его средств выражения. Оно остается относительным и зависит от многих вещей, но оно никогда не становится абсолютным переживанием. Это первая причина, почему истину нельзя выразить в словах.

Вторая причина заключается в том, что истина – это переживание. Ни одно переживание невозможно выразить – не говоря уже об истине. Если вы никогда не знали любви, тогда в тот момент, когда кто-то будет говорить о ней, вы услышите слова, но упустите смысл. Это слово есть в словаре. Если оно вам непонятно, вы можете заглянуть в словарь и узнать, что

оно означает. Но смысл находится внутри вас. Смысл приходит с переживанием. Если вы кого-то любили, тогда вы знаете, что значит слово «любовь». Буквальное значение этого слова можно найти в словаре, оно является частью языка. Но эмпирическое значение, экзистенциальное значение находится в вас. Если вы знакомы с этим переживанием, тогда слово «любовь» сразу перестает быть пустым, оно наполняется смыслом. Когда я говорю что-то, это остается просто словами до тех пор, пока вы не привносите туда свое переживание. Когда мои слова соединяются с вашим переживанием, они наполняются смыслом, а иначе они остаются пустыми – слова, слова, слова...

Как вы можете выразить истину, если у вас нет переживания ее? Даже если взять обычную жизнь, вы не можете рассказать о том, чего не пережили, – можно передать лишь слова. Остается только оболочка – содержимое теряется. До вас долетают пустые слова; вы их слышите и думаете, что понимаете, потому что знаете их буквальное значение, но вы упускаете смысл. Настоящий, истинный смысл приходит через экзистенциальное переживание. Вы должны *познать* этот смысл – другого способа нет. Здесь нет другого пути. Истину невозможно передать. Вы не можете ее украсть, вы не можете ее позаимствовать, вы не можете ее купить, присвоить, выпросить – это вам не удастся. Если у вас ее нет, значит ее нет. Так что же вам делать?

Единственный способ, я подчеркиваю, единственный спо-

соб – это жить рядом с человеком, который познал этот опыт. Когда вы просто находитесь в присутствии того, кто познал, что-то таинственное начинает передаваться вам... не через слова – происходит скачок энергии. Это можно сравнить с тем, как пламя перескакивает с одной свечи на другую – вы подносите незажженную свечу к горящей, и пламя перескакивает. То же самое происходит между мастером и учеником: происходит передача за пределами писаний – передается энергия, а не послания, передается жизнь, а не слова.

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Помните это условие.

Теперь перейдем к сутрам:

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как прекрасное,

Появляется и признается уродство.

Когда все в Поднебесной постигают добро как добро,

Появляется и признается зло.

Лао-цзы – абсолютный анархист. Он говорит: «Как только вы начинаете думать о порядке, появляется беспорядок. Как только вы подумали о боге, тут же появляется дьявол, поскольку мышление может существовать только в терминах противоположностей, мышление может существовать только в терминах двойственности. Мышлению присуща глубокая дихотомия, мышление шизофренично, оно расщеплено». Именно поэтому я так настаиваю на достижении со-

стояния не-думания – только тогда вы сможете быть едиными. Иначе вы останетесь двойственными, разделенными, расщепленными, шизофреничными.

На Западе шизофрения все больше и больше становится обычным явлением, потому что все западные религии глубоко шизофреничны – они разделяют. Они говорят, что Бог есть добро. Что же тогда делать со злом? Бог – это только добро и он не может быть злом, а в жизни столько зла. Куда девать все зло? Появляется дьявол. Как только вы создаете бога, вы тут же создаете дьявола.

Должен вам сказать, что Лао-цзы никогда не говорит о боге – никогда. Он ни разу не употребляет слово «бог»: как только вы упоминаете о боге, через ту же самую дверь немедленно входит дьявол. Откройте дверь – и они войдут оба. Мышление всегда существует в терминах противоположностей.

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как прекрасное,

Появляется и признается уродство.

Когда люди забудут о красоте, мир станет прекрасным, потому что тогда не будет уродства. Когда люди полностью забудут слово «мораль», мир станет моральным, потому что тогда не будет аморальности. В мире установится порядок, когда никто не будет его навязывать, когда никто не будет пытаться его создать. Все те, кто пытается создать порядок, вносят смуту, творят беспорядок. Но это трудно по-

нять. Трудно, поскольку наш ум воспитан всеми этими мыслителями-шизофрениками. Они говорят: отдай предпочтение богу и отвергни дьявола, будь хорошим, не будь плохим. И чем сильнее вы пытаетесь быть хорошими, тем более неполноценными вы себя чувствуете.

Вы когда-нибудь замечали, что святые, которые пытаются быть абсолютно добродетельными, слишком обеспокоены своими грехами? Если нет, то почитайте «Откровения» Блаженного Августина. Попробуйте всю жизнь быть святыми – и возникнет острое ощущение греха. Чем больше вы пытаетесь быть святыми, тем больше вы чувствуете, что со всех сторон окружены грехами. Попробуйте быть хорошими, и вы почувствуете, как вы несовершенны. Попробуйте быть любящими, и вы столкнетесь с ненавистью, гневом, ревностью, чувством собственничества. Попробуйте быть красивыми, и вы все больше и больше будете осознавать, как вы уродливы.

Отбросьте разделение. Отбросьте шизофрению. Будьте естественными, простодушными. Когда вы естественны, вы не знаете, какие вы – красивые или уродливые.

Есть одна суфийская история...

Однажды мастер, путешествующий со своими учениками, остановился на ночь на постоялом дворе. Хозяин постоялого двора сообщил ему, что у него есть две жены – одна красивая, а другая уродливая.

– Проблема в том, – сказал он, – что я люблю уродливую,

а красивую ненавижу.

Мастер спросил:

– Почему? В чем причина?

Хозяин постоянного двора ответил:

– Красивая хорошо знает, что она красива, и это делает ее уродливой (конечно, когда вы постоянно думаете о своей красоте, вы становитесь уродливыми), а другая слишком хорошо осознает свое уродство и поэтому кажется красивой.

Красивая постоянно думала о том, что она красива, и в результате она стала высокомерной, она возгордилась. Как можно быть высокомерной и оставаться красивой? Высокомерие – это уродство. Она стала очень эгоистичной. Вы когда-нибудь встречали красивое эго? Как эго может быть красивым? Другая жена, которая была уродливой и осознавала свое уродство, стала скромной, а скромность сама по себе прекрасна. Смирение, в котором нет гордыни, нет эго, делает вас красивыми.

Хозяин постоянного двора сказал:

– Я в затруднении. Я люблю уродливую и ненавижу красивую. Прошу тебя, реши эту головоломку. В чем дело? Почему так происходит?

Мастер созвал всех своих учеников и обратился к ним:

– Вы тоже послушайте, так как в этом действительно есть нечто такое, что необходимо понять.

И он сказал то же самое, что говорит Лао-цзы. Он сказал ученикам:

– Не гордитесь тем, что вы знаете. Если вы думаете, что вы знаете, вы невежественны. Если вы думаете, что вы не знаете, вы мудры. Абсолютно невинный человек не думает ни о том, ни о другом – независимо от того, знает он или не знает. У него отсутствует всякое самомнение.

Мне бы хотелось немного продолжить эту историю. В рассказе суфия она заканчивается на этом месте. Но я хотел бы придать ей более глубокий смысл. Должен вам сообщить, что я тоже посетил этот постоянный двор, конечно, через много лет после визита того мастера. Хозяин постоянного двора подошел ко мне и сказал:

– Я в замешательстве. Однажды ко мне пришел суфийский мастер, я поделился с ним этой проблемой, и он ее решил. Но потом все изменилось. Моя уродливая жена возгордилась своим смирением, и я больше не люблю ее. Теперь не только ее тело уродливо, теперь вся ее сущность стала уродливой. А красивая жена, поняв, что мысли о красоте разрушали ее красоту, отбросила их. Теперь я ее люблю. Теперь не только ее тело прекрасно, ее сущность тоже стала прекрасной.

Затем он спросил:

– Скажи мне, в чем дело?

Но я ответил:

– Пожалуйста, замолчи. Если я что-то скажу, тогда история снова повторится. Лучше молчи!

Самомнение – это болезнь. В действительности, отсутствие самомнения свидетельствует о вашей реализованности. Отсутствие самомнения – это и есть просветление. Но как оно можете отсутствовать, если вы разделены, если вы бросаетесь из одной крайности в другую, если вы постоянно стоите перед выбором?

Вы всегда выбираете: вы стремитесь быть красивым – и уродство становится вашей тенью; вы стремитесь быть религиозным – и отсутствие религиозности становится вашей тенью; вы стремитесь быть святым – и грех становится вашей тенью. Выбирайте – и вы окажетесь в сложном положении, потому что ваш выбор делит жизнь на две части. Не выбирайте, откажитесь от выбора. Позвольте жизни течь. Иногда она кажется божественной, иногда она кажется дьявольской – и то и другое прекрасно. Не выбирайте. Не пытайтесь стать святыми, иначе ваша святость не будет настоящей святостью: в ней появится гордыня, которая сделает все уродливым. Поэтому я часто говорю, что грешники достигают божественного, а святые его упускают. Просто грешники всегда скромны, они считают себя грешниками, они ни на что не претендуют.

Я расскажу вам другую историю.

Один святой постучал в ворота рая. И одновременно с

ним в эти же ворота постучал грешник. Святой хорошо знал грешника. Они жили по соседству и умерли в один день.

Двери распахнулись. Святой Петр, смотритель ворот, даже не взглянул на святого. Он тепло поприветствовал грешника. Святой почувствовал себя оскорбленным, он не ожидал, что грешника так примут.

Он спросил Святого Петра:

– В чем дело? Ты меня оскорбляешь, ты обижаешь меня. Почему ты встречаешь грешника с таким радушием, а на меня не обращаешь внимания?

Святой Петр ответил:

– Потому что у тебя есть ожидания. У него нет ожиданий. Он просто испытывает благодарность за то, что попал в рай. Ты же чувствуешь, что заслужил это. Он ощущает милость Бога; ты думаешь, что достиг этого благодаря своим собственным усилиям. Для тебя это достижение, а все достижения – от эго. Он скромн. Он не может поверить в то, что попал в рай.

Вполне вероятно, что грешник может достигнуть, а святой – упустить. Если святой слишком переполнен своей святостью, он упустит.

Лао-цзы говорит:

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как прекрасное,

Появляется и признается уродство.

Когда все в Поднебесной постигают добро как добро,
Появляется и признается зло.

Поэтому

Бытие и небытие порождают друг друга.

Используйте и то и другое, не выбирайте. В жизни все взаимозависимо. Используйте грех – он существует для какой-то цели, иначе его бы не было. Используйте гнев – он существует для какой-то цели, иначе его бы не было. У всего есть свое назначение в жизни. Как что-то может существовать без цели? Жизнь – это не хаос, это космос, полный смысла.

Бытие и небытие порождают друг друга.

Поэтому будьте и не будьте одновременно.

Трудное и простое дополняют друг друга;

Длинное и короткое соотносятся друг с другом;

Высокое и низкое определяют друг друга;

Звуки и голоса сливаются в гармонии;

То, что впереди, и то, что позади, следуют вместе.

Лао-цзы говорит, что противоположности – на самом деле не противоположности, а взаимодополняющие части. Не разделяйте их, разделение ложно; они едины, они связаны друг с другом. Как любовь может существовать без ненависти? Как сострадание может существовать без гнева? Как жизнь может существовать без смерти? Как счастье может существовать без несчастья? Как рай может существовать без ада?

Ад – не противоположность рая; ад и рай дополняют друг друга, они существуют вместе. В действительности, это две стороны одной медали. Не выбирайте. Наслаждайтесь и тем и другим. Позвольте существовать и тому и другому. Создайте гармонию между ними, не выбирайте. Тогда ваша жизнь станет симфонией противоположностей, а это самая прекрасная жизнь, которая возможна. С одной стороны, она будет очень обычной, с другой стороны – очень неординарной.

Именно потому я говорю, что Будда парит в небесах, в нем нет ничего земного. Лао-цзы – это и земля и небо одновременно. Будда даже в своем совершенстве кажется несовершенным; Лао-цзы даже в своем несовершенстве совершенен, безупречен.

Вы меня понимаете? Постарайтесь вникнуть!

Будде с его совершенством все же чего-то не хватает, ему не хватает земных качеств. Он неземной, как призрак, ему недостает телесности; он бестелесен, он – дерево без корней.

Вы – корни, и только корни; дерево еще не выросло, дерево еще не расцвело. Будда – это только цветы, а вы – только корни. Лао-цзы – это и то и другое. Возможно, он не выглядит таким совершенным, как Будда, но он и не может быть таким, потому что в нем всегда присутствуют обе противоположности – как он может быть совершенным? Тем не менее он всеобъемлющ. Он тотален. Возможно, он несовершенен, но он тотален. Об этом нужно помнить постоянно: не

пытайтесь быть совершенными, стремитесь быть тотальными. Если вы пытаетесь стать совершенными, значит, вы следуете Будде, вы следуете Махавире, вы следуете Иисусу. Но только тогда, когда вы стремитесь к тотальности, вы почувствуете вкус того, что значит быть рядом с Лао-цзы, что значит следовать Дао.

Дао – это тотальность. Тотальность несовершенна, она всегда несовершенна – потому что она всегда живая. Совершенство всегда мертво; все, что становится совершенным, мертво. Как оно может жить? Как можно жить, будучи совершенным? Совершенству нет необходимости жить. Оно отвергло другую полярность. Жизнь существует благодаря напряжению, создаваемому противоположностями, благодаря встрече противоположностей. Если вы отвергаете противоположное, вы можете стать совершенными, но вы не будете тотальными, вы что-то упустите. Каким бы прекрасным ни был Будда, ему чего-то не хватает. Лао-цзы не так прекрасен, не так совершенен.

Если вы встретите Будду и Лао-цзы, то Лао-цзы будет выглядеть обычным, а Будда – необычным, возвышенным. Но я говорю вам: в Лао-цзы живут тысячи будд. Он укоренен глубоко в земле – он связан с землей и поднимается высоко в небо; он – и небо и земля, он – встреча противоположностей.

Нужно помнить о трех понятиях: одно – «зависимость», другое – «независимость», третье – «взаимозависимость».

Будда независим. Вы зависимы: муж зависит от жены,

отец зависит от сына, индивидуум зависит от общества – тысячи зависимостей. Вы зависимы. Будда независим, как горный пик. Он оборвал все связи с миром: с женой, с ребенком, с отцом – все связи. Он отрекся от всего; он – колосс независимости. Вы представляете собой одну противоположность. Будда является другой противоположностью. Вы можете быть уродливыми, он же – прекрасен. Но его красота существует благодаря вашему уродству. Если вы исчезнете, Будда тоже исчезнет. Он выглядит мудрым из-за вашей глупости – если вы станете мудрыми, он больше не будет мудрым.

Лао-цзы – это воплощение взаимозависимости, потому что в жизни все связано друг с другом. Вы не можете быть зависимыми, вы не можете быть независимыми – это противоположные состояния. Взаимозависимость находится точно между ними – там, где жизнь обретает равновесие. Все существует во всем остальном, все взаимосвязано. Уничтожьте цветок – и вы уничтожите звезду. Все взаимосвязано, ничто не существует как остров. Вы можете попробовать жить как остров – это возможно, но это будет нечто сверхъестественное, почти миф, сон. Лао-цзы верит во взаимозависимость. Он говорит: принимайте все таким, какое оно есть, не выбирайте.

Это кажется простым и в то же время сложным, потому что ум всегда стремится выбирать. Ум живет благодаря выбору. Если вы не выбираете, ум исчезает. Это путь Лао-цзы.

Как отбросить ум? Не выбирать! Вот почему Лао-цзы никогда не предписывает никакой медитации: когда вы не выбираете, в медитации нет необходимости.

Не выбирайте. Принимайте жизнь такой, какой она приходит, — плывите в потоке. Не делайте усилий, чтобы куда-то попасть. Не двигайтесь к цели, наслаждайтесь полнотой момента и не беспокойтесь о прошлом или будущем. И тогда в вашей душе родится симфония, высшее и низшее встретятся внутри вас — и вы будете по-настоящему богаты.

Если вы представляете собой только высшее, вы бедны, потому что становитесь похожими на горы без долин, это — жалкие горы. Долины дают ощущение глубины, таинственности, в долинах живет поэзия. Горный пик прост и понятен. В долине обитают тени, она полна тайн. Без долины горный пик беден. А долина бедна без горного пика, потому что тогда в ней живет только темнота. Ее никогда не посещает солнце; в ней сыро, мрачно и тоскливо. Богатейшая возможность заключается в том, чтобы быть и горным пиком, и долиной одновременно.

Ницше как-то сказал... Ницше обладал одним из самых пронизательных умов, каким только может обладать человек. Из-за этой пронизательности он и сошел с ума — его ум был слишком сильным, Ницше не мог его сдержать. Он говорил, что, если дерево хочет дорасти до небес, оно должно корнями уходить как можно глубже в землю. Его корни должны проникнуть глубоко в землю, в самый ад, и только

тогда его ветви, его верхушка смогут достать до небес. Дерево должно достичь и ада, и небес; высоты и глубины.

То же самое относится к человеку: в глубине своего существа вы каким-то образом должны встретиться и с дьявольским, и с божественным. Не бойтесь дьявола, иначе ваш бог будет бедным богом. Христианский и иудейский боги очень бедны. Христианский, иудейский и мусульманский боги пресны, в них нет соли. Их лишили соли, их соль превратилась в дьявола. Бог и дьявол должны стать единым целым. Существование – это органическое единство противоположностей, таких, как бытие и небытие, сложное и простое, длинное и короткое, высокое и низкое.

Звуки и голоса сливаются в гармонии;

То, что впереди, и то, что позади, следуют вместе.

Поэтому мудрец

Совершает деяния, пребывая в бездействии...

Лао-цзы называет это *ву вэй* – мудрец совершает деяния, пребывая в бездействии. Существует три возможности. Первая – действовать и пренебрегать бездействием. Тогда вы будете мирским человеком. Вторая возможность – отказаться от любой деятельности, уйти в Гималаи и пребывать в состоянии бездействия. Тогда вы будете не от мира сего. Третья возможность – жить в мире, но не позволять миру жить в вас. Действовать, но не быть активным, двигаться, но оставаться неподвижным внутри.

Я говорю с вами, и внутри меня тишина – я говорю и не говорю одновременно. Движение и отсутствие движения. Действие и бездействие. Если действие и бездействие встречаются, возникает гармония. Тогда вы становитесь красивым существом – не красивым на фоне уродства, а красивым в том смысле, что вы включаете в себя также и уродство.

Подойдите к розовому кусту. Посмотрите на цветы и на шипы. Шипы не противостоят цветку, они защищают его. Они – стражники, обеспечивающие безопасность цветка. В действительно красивом человеке, в действительно гармоничном человеке ничего не отвергается. Отрицание направлено против существования. Все должно быть принято. Это искусство. Если вы отвергаете, значит, вы не художник. Все должно быть принято, использовано. Если вам на пути встречается камень, не отталкивайте его, используйте его как точку опоры.

Поэтому мудрец

Совершает деяния, пребывая в бездействии...

Он не убегает в Гималаи. Он остается в мире. Он совершает деяния, но при этом не действует. Внутри он не активен – действие остается вовне. В своем центре он не активен. Именно это Лао-цзы называет *ву вэй* – попадание в центр циклона. Циклон бушует вовне, но в его центре ничто не движется, ничто не колеблется.

Проповедует учение, не прибегая к словам.

Здесь я проповедую вам учение без слов. Вы скажете, что я использую слова. Да, я проповедую... без слов, потому что глубоко внутри меня не возникает ни одного слова. Слова нужны вам, не мне; слова предназначаются вам – мне они не нужны. Я использую их, но не позволяю им использовать меня, они не накапливаются во мне. Сейчас я не разговариваю с вами, я вообще не разговариваю. Я никогда не разговариваю сам с собой, у меня нет внутреннего диалога. Когда я молчу, я нахожусь в тишине, а когда говорю, тишина не нарушается, тишина остается нетронутой.

Проповедует учение, не прибегая к словам.
В бесчисленном множестве вещей
Он ничего не отвергает...

Он никогда не убегает. Он никогда не отвергает. Он никогда не отрекается. В этом смысл моей *саньясы*. Слово «*саньяса*» означает «отречение», но я не проповедую отречение. Тогда почему я называю вас саньясинами? Я называю вас саньясинами, имея в виду понимание Лао-цзы: отвергайте и в то же время не отвергайте, оставайтесь в мире и в то же время будьте вне его – это и есть встреча противоположностей.

Поэтому я не говорю, чтобы вы бросали или оставляли свои семьи, уходили из них. В этом нет необходимости. Будьте там, будьте полностью там, но помните: пусть глубоко внутри вас остается то, что выше этого, что находится за пределами этого. Когда вы находитесь рядом со своей женой,

будьте с ней, но также будьте и с собой. В этом вся суть. Если вы забываете о себе и помните только о своей жене, тогда вы мирской человек. Тогда рано или поздно вы сбежите, потому что это приведет к таким страданиям, что вы захотите отречься от всего и уйти в горы. И то и другое – крайности. А истина никогда не заключена в одной из крайностей. Истина включает обе крайности. Она – в обеих крайностях и ни в одной из них.

В бесчисленном множестве вещей
Он ничего не отвергает;
Все принимая, он ничем не обладает...

Любите своих детей, но не превращайте их в свою собственность. Любите свою жену и своего мужа, но не делайте их своей собственностью. Как только вы начинаете обладать кем-то... вы, не замечая того, сами становитесь чьей-то собственностью. Когда вы обладаете кем-то, кто-то обязательно обладает вами. Обладатель является в то же время объектом обладания. Не обладайте – потому что обладание пытаются разрушить центр другого человека, а другой вам этого не позволит. Если вы попытаетесь разрушить центр другого человека, сама эта попытка будет способствовать разрушению вашего собственного центра. Тогда останется только циклон – центр исчезнет. Будьте в мире и в то же время вне его. Пусть что-то глубокое внутри вас остается за его пределами, остается парящим в небесах – корни в земле, ветви в небесах.

Все принимая, он ничем не обладает;
Действуя, не ожидает вознаграждения;
Достигая совершенства, не требует уважения.

Он просто является частью целого – как он может требовать уважения? Он просто является частью этого органического единства, этого существования, этой реальности. Он – часть всего этого, как он может чего-то требовать? Как волна может чего-то требовать? Волна – это просто часть океана.

Действуя, не ожидает вознаграждения;
Достигая совершенства, не требует уважения.

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Такова абсурдная логика Лао-цзы. Он абсолютно логичен, но его логика своеобразна. Он говорит:

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Если вы требуете, ваше требование может быть отвергнуто. Если вы не требуете, то как требование, которое даже не было выдвинуто, может быть отклонено? Если вы пытаетесь быть кем-то значительным в этом мире, тогда можно доказать, что вы никто. Это и будет доказано, потому что каждый пытается быть значительным и каждый является вашим конкурентом в этом стремлении. Но если вы ни на что не претендуете, если вы остаетесь никем – как это может быть

опровергнуто? Оставаясь никем, вы становитесь кем-то – никто не может это опровергнуть, никто не может соперничать с этим.

Если вы пытаетесь быть победителем, вы будете побеждены. Спросите Александров Македонских, Наполеонов и Гитлеров – если вы пытаетесь быть победителями, вы будете побеждены. Лао-цзы говорит: не пытайтесь быть победителем, тогда никто не сможет одержать над вами победу. Очень тонкая логика, логика самой жизни: не требуйте, и ваше требование будет полностью удовлетворено; не пытайтесь быть победителем, и ваша победа будет абсолютной; не пытайтесь – просто будьте. И все, к чему вы стремитесь, придет к вам само по себе.

Человек, который ни о чем не просит, ни в чем не пытается быть успешным, не стремится удовлетворить свои амбициозные желания, внезапно обнаруживает, что все реализуется: сама жизнь приходит к нему, чтобы поделиться своими тайнами, своими сокровищами. Поскольку человек, который ничего не требует, становится пустотой, жизнь непрерывно заполняет эту пустоту своими тайнами и сокровищами.

Жизнь не терпит вакуума. Если вы становитесь пустыми, все приходит к вам само по себе. Если вы совершаете попытки, вы терпите поражение; если вы не совершаете попыток, успех абсолютно неизбежен. Я не говорю, чтобы вы, желая преуспеть в жизни, не делали попыток, – нет, я не это имею в виду. Успех – это не результат, это следствие. Необходи-

мо понять разницу между результатом и следствием. Когда вы слушаете Лао-цзы или меня, вы, естественно, понимаете эту логику так: если вы попытаетесь быть победителем, вас ждет поражение, потому что у вас миллионы конкурентов. Как вы можете добиться успеха в этом мире конкуренции? Никто никогда не добивается успеха. Каждый терпит поражение. Каждый терпит абсолютное поражение – не бывает никаких исключений. А Лао-цзы говорит, что если вы не пытаетесь преуспеть, то добьетесь успеха. Ваш ум становится алчным, ваш ум говорит: «Ага! Вот путь к успеху: я не буду ничего требовать, я не буду амбициозным, и тогда мои желания реализуются». Но тогда вы хотите результата. Вы остаетесь на том же уровне – вы полностью упускаете Лао-цзы.

Лао-цзы говорит, что если вы действительно ничего не требуете – ни уважения, ни славы, ни известности, ни успеха, ни реализации своих амбициозных желаний, – успех приходит как следствие, тогда вы становитесь победителем. Все существование вливается в вашу пустоту; вы становитесь реализованным. Это следствие, а не результат. Результат – это то, что вы стремитесь получить; следствие – это то, о чем вы даже не думали, не помышляли, чего не желали. Это происходит как часть внутреннего закона существования. Этот закон называется Дао.

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Поймите Лао-цзы. И осознайте свою внутреннюю алч-

ность, потому что алчность может потребовать... Это происходит каждый день, почти каждый день ко мне приходят люди, и я им говорю: «Медитируйте, но не ждите результатов». Они спрашивают: «Если мы не будем ждать результатов, они придут?» Я отвечаю: «Да, они придут, но не ждите их». Они соглашаются, но через несколько дней приходят ко мне и жалуются: «Мы ждали-ждали, но до сих пор ничего не случилось».

Вы упускаете суть. Вы не умеете ждать. Вы умеете ждать результата, но вы не умеете ждать следствия. Следствие никак не связано с вами и с вашим ожиданием. Это часть фундаментального закона. Оно приходит само по себе. Вам не нужно даже ждать – потому что в самом ожидании присутствует желание. А если есть желание, следствие никогда не придет. Не желайте, и все случится. Не просите, и все придет. Иисус говорит: «Просите, и дано будет вам. Стучите, и откроют вам». Лао-цзы говорит: «Не просите, и вам будет дано. Не стучите: двери всегда открыты – просто посмотрите!»

И я утверждаю, что Лао-цзы идет глубже, чем кто-либо. Лао-цзы – величайший ключ. Если вы понимаете его, тогда он – волшебный ключ, и вы можете открыть этим ключом все замки, которые есть в жизни, в существовании. Попробуйте понять Лао-цзы. Это будет легко для вас, если вы не станете ждать результатов, которые может принести это понимание. Просто наслаждайтесь им. Просто наслаждайтесь тем, что вы отправились в путешествие с этим стариком. Этот старик

прекрасен – но не в сравнении с уродством; этот старик мудр – но не в сравнении с глупостью; этот старик просветленный – но не в сравнении с отсутствием просветления или непросветленными людьми. Этот старик тотален. Он содержит вас, и в то же время он содержит будд. Он включает и то и другое. Если вы сможете его понять, вам нечего будет больше понимать. Тогда можете забыть Махавиру, Будду, Кришну – достаточно одного Лао-цзы. Он – волшебный ключ.

Достаточно на сегодня.

Глава 2. Обыкновенность

Первый вопрос:

Ошо,

Может быть, я попал сюда по ошибке? Все, чего я хочу, – это быть обычным счастливым человеком. Я хочу любить женщину и хочу, чтобы она любила меня, я хочу, чтобы у меня были друзья, с которыми можно проводить время и радоваться жизни. Мне не нужно просветление. Неужели я попал сюда по ошибке?

Столетия неправильного воспитания привели к тому, что в твоём уме появилось совершенно ошибочное представление о просветлении. Само это слово кажется неземным, пришедшим из другого мира. Все думают, что оно означает что-то такое, что происходит с людьми после смерти и случается только с теми, кто уже умер. Это абсолютно неверно.

Если ты хочешь быть счастливым, то у тебя нет другого пути, кроме просветления. Если ты хочешь быть обычным, знай, что никто и никогда не становился обычным без просветления. Если ты хочешь любить и быть любимым, знай, что без просветления это невозможно. Поэтому тебе придётся понять моё представление о просветлении. Быть просветлённым – значит просто быть обычным, здоровым, осознанным, целостным, тотальным.

Любой ум стремится к экстраординарности. Так устроено это: человек стремится быть особенным, он всегда боится, что станет никем, боится пустоты, всегда старается заполнить чем-то эту внутреннюю пустоту. Каждое человеческое существо стремится к экстраординарности – и это приводит к страданию. Это невыполнимо. Безличность – сама ваша природа; небытие – это то, из чего вы сделаны. Как бы вы ни старались, вы никогда не преуспеете; даже Александр Македонский потерпел поражение. Вы не можете быть кем-то, потому что такова природа вещей. Вы можете быть только ничем.

Но нет ничего плохого в том, чтобы быть ничем. Фактически в тот момент, когда вы признаете, что вы – ничто, из вас начнет изливаться и растекаться во всех направлениях блаженство, поскольку страдание исчезнет. Страдание – это тень эго, тень амбициозного ума. Страдание означает, что вы делаете что-то невозможное, и из-за того, что терпите неудачу, страдаете. Вы делаете что-то неестественное, совершаете какие-то попытки и терпите неудачу, поэтому вы разочаровываетесь и чувствуете себя несчастными. Ад – это конечный результат неестественных усилий, которые ни к чему не приводят. Рай же означает не что иное, как просто быть естественными.

Вы – ничто. Вы рождены как ничто, без имени, без формы. Вы умрете как ничто. Имя и форма существуют только на поверхности; в глубине вы просто бескрайнее простран-

ство. И это прекрасно, потому что, если вы – кто-то, вы будете ограничены. Хорошо, что Бог никому не позволяет быть кем-то; если вы кто-то, вы будете конечны, ограничены, вы будете узником. Нет, Бог не позволяет этого. Он предоставляет вам свободу быть *ничем* – беспредельным, бесконечным. Но вы не готовы к этому.

Для меня просветление – это явление, которое позволяет узнать, понять, принять тот факт, что каждый человек – *ничто*. Внезапно вы перестаете пытаться совершить невозможное. Внезапно вы перестаете тянуть себя вверх за волосы. Вы понимаете, что это абсурдно, и останавливаетесь. И по всему существу разливается смех. Вы вдруг становитесь спокойными и собранными. Само усилие, возникающее из желания быть кем-то, создает трудности.

Когда вы пытаетесь быть кем-то, вы не можете любить. Амбициозный ум не способен любить. Это невозможно, потому что сначала он должен реализовать свои амбиции. Ему приходится для этого жертвовать всем. Он будет снова и снова жертвовать любовью. Посмотрите на амбициозных людей – если они гоняются за деньгами, они всегда откладывают любовь. Они полюбят завтра, когда накопят достаточно денег; прямо сейчас это невозможно, это совершенно непрактично; прямо сейчас они не могут себе это позволить. Любовь – это расслабление, а они бегут, стремясь достичь чего-то, какой-то цели. Это могут быть деньги, власть, престиж, политика. Как они могут любить сейчас? Они не спо-

способны быть здесь и сейчас, а ведь любовь – это и есть *здесь-и-сейчас*. Любовь существует только в настоящем, а амбициозные желания устремлены в будущее; любовь и амбиции никогда не встречаются.

Вы не способны любить. А если вы не способны любить, то как вас может полюбить другой? Любовь – это глубокое единство двух существ, которые готовы быть вместе в данный момент, а не завтра, которые готовы быть тотальными в данный момент и полностью забыть о прошлом и будущем. Любить – значит забыть о прошлом и будущем и помнить о данном моменте, об этом пульсирующем мгновении, об этом живом мгновении. Любовь – это истина данного момента.

Амбициозный ум никогда не находится *здесь*, он всегда в пути. Как можно полюбить бегущего человека? Бегущий человек всегда участвует в гонке, в состязании, у него нет времени. Или же он предаётся размышлениям о том, что когда-нибудь в будущем, когда он достигнет цели, когда обретет искомую власть, вожацкое богатство, он сумеет расслабиться и полюбить. Этого не произойдет, потому что цель никогда не будет достигнута.

Амбициозное желание никогда не будет удовлетворено. Это не в его природе. Вы можете удовлетворить одно желание, и оно тотчас же породит тысячу других. Амбициозные желания никогда не прекращаются. Если вы понимаете это, вы можете остановиться прямо сейчас. Но если вы вкладываете энергию в амбициозные желания, как вы можете лю-

бить? Поэтому люди так страдают, пытаются быть кем-то, — страдают, потому что не получают любви, страдают, потому что не могут любить.

Любовь — это экстаз. Это экстаз, который приходит из *не-ума*, из настоящего момента, из того состояния, в котором отсутствуют амбиции, из пустоты. Там, где находятся влюбленные, нет никого: есть только любовь. Когда встречаются двое влюбленных, там нет двоих. Со стороны они могут казаться вам парой. Но если смотреть изнутри, дело обстоит совсем иначе: их не двое. В тот миг, когда они встречаются, двойственность исчезает, остается только поток любви. Любовь возможна, только если вы внутри пусты, если между вами и вашей возлюбленной нет никакого барьера, нет ничего — только пустота. Если вы — это кто-то и ваша возлюбленная тоже является кем-то, тогда встречаются не двое, а четверо: двое, представляющие из себя *ничто* и остающиеся в тени, и двое тех, которые являются кем-то, — фальшивые эго, которые обмениваются рукопожатиями, ласками и любовными жестами. На эту драму стоит посмотреть: смех, да и только! Когда встречаются влюбленные, никого не остается: два *ничто* не могут быть двумя. Как могут два *ничто* оставаться двумя? Ничто лишено границ, ничто — это безграничность. Два *ничто* становятся одним. Двое тех, которые являются кем-то, остаются двумя.

Поэтому любовь становится такой уродливой — та любовь, которую называете любовью вы, а не я. Ваша любовь уродли-

ва, это самое уродливое явление. Ей приходится быть такой. Она могла бы стать самым прекрасным явлением в мире, но вместо этого стала самым уродливым: влюбленные постоянно находятся в состоянии борьбы, ссорятся, заставляют друг друга страдать. Сартр заявляет: «Другой – это ад». Он имеет в виду вашу любовь. Когда вы одни, вы ощущаете расслабление, когда вы рядом с любимым человеком, появляется напряжение. Вы не можете жить в одиночестве, поскольку глубоко внутри вы тоскуете... вы испытываете жажду, сильное желание. Поэтому вы не можете оставаться в одиночестве. Вам приходится действовать. Вы ищете близости, но когда вы с кем-то, вы несчастны. Все взаимоотношения приводят к страданию, и только. Если вы не просветленные, любовь становится просто столкновением, враждой. Каждый постепенно приспособливается к такой любви. Это значит, что он постепенно тупеет и теряет чувствительность. Поэтому весь мир выглядит таким мертвым, таким затхлым. Это отвратительно. Все взаимоотношения утратили свежесть, стали уродливыми.

Так что если ты действительно хочешь любить и быть любимым, то знай, что прямо сейчас для тебя это невозможно. Тебе придется исчезнуть. Тебе придется исчезнуть, оставив после себя чистую, свежую пустоту. Лишь тогда сможет распусться цветок любви. Есть семена, но это подобно камню, и семена не могут вырасти на нем.

Ты говоришь, что хочешь быть обычным? Хочешь лю-

бить, хочешь иметь друзей и радоваться? Это и есть просветление! Но если ты пойдешь к священникам, проповедникам, служителям официальных религий и церквей, то увидишь, что у них иное просветление. Они против любви, против обычности, против дружбы, против наслаждения, против всего, к чему естественным образом стремится ваша природа. Это великие отравители.

Но если ты пришел ко мне, ты пришел в правильное место – в том смысле, что мое просветление связано с этим миром. Я не говорю, что другого мира не существует. Я не говорю, что есть только земное существование, – нет. Постарайся понять меня правильно. Но другое существование зависит от этого, другой мир зависит от этого мира, небеса зависят от земли. Если ты хочешь подняться выше, тебе придется глубже пустить корни здесь, в этой земле. В этой жизни тебе нужны корни, тогда в другой жизни появятся цветы. Другая жизнь не противоречит этой жизни; на самом деле другая жизнь – это просто цветение этой жизни. Бог не против мира, Бог не находится за его пределами; он в нем, он скрывается в нем. Тебе не нужно отвергать мир, чтобы отправиться на поиски бога – если ты отправишься на поиски, ты никогда его не найдешь. Его можно найти только *здесь-и-сейчас*. Тебе придется искать, придется углубиться в это существование – и это единственный способ обнаружить его. Вся эта жизнь, все это существование есть не что иное, как храм, в котором он скрывается. Не убегай из него.

Я не отвергаю эту жизнь; по сути, я ничего не отвергаю. Я принимаю все, поскольку, если что-то существует, в этом есть какое-то предназначение. Бог не может создавать вещи без всякой цели – он не сумасшедший. Существование очень целенаправленно и осмысленно; если существует эта жизнь, значит, другая жизнь не может существовать без нее. Эта жизнь – основа для другой.

Но когда вы приходите ко мне, вы приносите с собой свои идеи. Когда вы приходите ко мне и я говорю о просветлении, вы понимаете меня исходя из того, чему вас научили. Когда вы приходите ко мне, и я говорю об отречении, саньясе, вы слышите что-то другое – не то, что я говорю. Мне приходится использовать ваш язык, но все слова в нем потеряли свою чистоту. Миллионы людей миллионы раз использовали их, вкладывая в них разные смысловые оттенки, разные значения. Я же наполняю их особым смыслом.

Просветленный – это человек, который полностью осознает свою внутреннюю пустоту и не борется с ней; вместо этого он наслаждается ей, он находит в ней блаженство. Через наслаждение своей пустотой он открывается другим людям; они тоже могут наслаждаться, могут прийти и принять участие в его мистерии. Его двери открыты, он приглашает друзей, любимых, и он готов делиться, он готов отдавать. Когда вы отдаете, черпая из пустоты, вы не боитесь отдавать, потому что пустота неисчерпаема. Вы отдаете еще и еще, еще и еще – пустота всегда внутри, вы не можете исчерпать ее. Ис-

черпать можно лишь что-то конечное, и это порождает скудность – вы боитесь отдавать. Чего бояться тому, кто чувствует себя пустым? Он отдает себя тотально. До тех пор, пока вы не способны на это, любовь невозможна. Любовь – это священное явление, не обыденное. Всякая любовь достойна того, чтобы называть ее священной. И когда вы вступаете в мир любви, вы вступаете в мир чистоты и невинности. Когда вы любите, вы входите в храм божественного.

Наслаждайтесь! Я не сторонник печали и вытянутых лиц. Я здесь не для того, чтобы сделать вас еще более несчастными – вы и так уже достаточно несчастны. Я здесь не для того, чтобы увеличить вашу печаль. Я здесь для того, чтобы разбудить вас и заставить ощутить блаженство, которое принадлежит вам от рождения, которое естественным образом открыто для вас. Но вы забыли, как подойти к нему, вы выбрали не то направление: вы ищете блаженство там, где его нет; вы ищете его снаружи, а оно внутри; вы ищете его где-то вдалеке, а оно близко; вы ищете его в далеких звездах, а оно прямо перед вами.

В английском языке есть два прекрасных слова. Первое слово – *obvious* («очевидный»). Слово «очевидный» означает нечто, находящееся прямо перед вами. Оно произошло от латинского корня, который означает нечто, находящееся прямо перед вами. И есть еще одно слово – *problem* («проблема»). Оно происходит от греческого корня, который также означает то, что находится прямо перед вами. Значения кор-

ней этих слов совпадают. Очевидное – это и есть проблема. То, что находится прямо перед вами, и есть проблема, потому что вы не можете это увидеть – ваш взгляд блуждает по дальним странам. Очевидное превратилось в проблему. Просветление состоит в том, чтобы осознать очевидное, а когда осознаешь очевидное, проблема исчезает.

Жить без проблем – значит жить просветленной жизнью. Это совершенно иной способ бытия: он не имеет ничего общего с достижениями, он не имеет ничего общего с обучением, усилием, практикой. Все, что требуется, – это быть чуть более бдительным, чтобы смотреть, видеть, наблюдать за тем, что находится прямо перед вами. Решение ближе, гораздо ближе, чем вы можете себе представить. Не ищите его вдалеке, оно внутри вас. Когда вы обретете свой внутренний центр, основу, когда вы укоренитесь, я предоставляю вам полную свободу – идите и любите. Идите и живите в этом мире; вы можете наслаждаться им, можете попробовать его на вкус, можете понять его глубочайшие возможности. И каждый раз, когда вы будете входить в глубинные сферы реальности, вы будете находить там божественное. Идите глубже в любовь, и вы найдете бога; принимайте пищу внимательно, осознанно, и вы найдете бога.

В Упанишадах сказано: «Пища – это бог» (*annam brahma*). И еще в Упанишадах сказано, что секс – это брат, брат-близнец окончательного высшего блаженства. Брат-близнец окончательного высшего блаженства – секс! А его

так осуждали. Возможно, это низшая ступень лестницы, но она принадлежит самой лестнице. Высшая ступень принадлежит ей в той же мере, что и низшая; на самом деле, все принадлежит Богу и является священным.

Это и есть просветление: способность видеть священную пульсацию во всем. Религия – это не противостояние чему бы то ни было; религия – это способность обнаружить божественное где бы то ни было. И оно везде, оно ждет тебя.

Ты пришел в правильное место. Возможно, твой ум захочет убежать отсюда, потому что здесь ему придет конец. Это место подходит для тебя, но не для твоего ума. Это место абсолютно подходит для твоего существа, но для твоих амбиций, для твоего эго, гордыни, для твоих глупостей это сейчас самое неподходящее на Земле место.

Поэтому решай. Если ты хочешь остаться глупцом, беги. Тогда ум будет продолжать дурачить тебя, говоря, что ты влюблен и испытываешь наслаждение, хотя ты знаешь, что ты не наслаждаешься и что ты не влюблен. Тогда ум будет продолжать дурачить тебя, говоря, что ты получаешь удовольствие, – ты не можешь получать удовольствие. Того, кто мог бы получать удовольствие, нет. Ты не существуешь. Ты не представляешь собой никакой цельной структуры. Ты можешь продолжать блуждать и обманывать себя, но если ты действительно хочешь быть любимым женщиной, хочешь любить женщину, хочешь иметь друзей и наслаждаться жизнью, – я даю тебе к этому ключ.

Второй вопрос:

Ошо,

Ты говоришь, что Лао-цзы подходит только для редких искателей. Тогда как ты можешь называть его тотальным?

Он для редких искателей, потому что он тотален. Ум боится тотальности, ум всегда стремится к совершенству. Ум – перфекционист.

Попытайтесь понять два этих измерения: измерение совершенства и измерение тотальности. С совершенством эго прекрасно уживается; в действительности, эго не может существовать без измерения совершенства. Эго всегда стремится ко все большему и большему совершенству, а когда вы хотите стать совершенными, вам приходится выбирать, и поэтому вы не можете быть тотальными. Если вы хотите быть компетентными, вам приходится выбирать: вы должны оставить глупость, вы должны начать бороться с невежеством. А если вы хотите быть абсолютно компетентными, вы должны отсечь любую возможность проявления невежества, глупости, безумия.

Но тотальный человек – совершенно другой. Он мудр в своей глупости; он глуп в своей мудрости. Он знает, что он невежествен, – в этом его мудрость. В нем встречаются противоположности. Лао-цзы говорит: «Кажется, что все мудры,

кроме меня. Я выгляжу глупцом».

Каждый пытается быть компетентным, пытается быть знающим, пытается быть умным – искореняя, пряча, подавляя глупость. Но глупость может обладать собственной красотой – если она соединена с мудростью. Тогда мудрость тотальна. А в измерении тотальности самые великие мудрецы всегда также и глупцы. Они так просты и так невинны, что выглядят глупыми. Многим людям Лао-цзы, должно быть, казался глупцом. Он и был им; он был и тем и другим. И в этом заключается сложность. Ум стремится к совершенству. Кто пойдет к Лао-цзы? Никто не хочет быть одновременно и глупым, и мудрым. Трудно даже представить, как человек может быть одновременно и тем и другим. Как человек может быть одновременно и глупым, и мудрым?

Рассказывают, что суфийский мистик, путешествуя, пришел в одну мусульманскую деревню. А молва о нем достигла этой деревни еще раньше, слава о нем обогнала его. И вот собрались люди и попросили его:

– выступи с какой-нибудь проповедью.

Мистик ответил:

– Я не являюсь мудрецом, поскольку я также и глуп. Мое учение может вас смутить, поэтому я лучше помолчу.

Но чем больше он старался уклониться от выполнения просьбы, тем больше они настаивали, тем сильнее разгорался их интерес.

В конце концов, он уступил и сказал:

– Хорошо. В ближайшую пятницу я приду в мечеть... О чем же вам рассказать?

Они ответили:

– О Боге, разумеется.

И он пришел. Вся деревня была там, ведь он стал настоящей сенсацией. Он поднялся на возвышение для проповеди и спросил:

– Вы знаете что-нибудь из того, что я собираюсь вам рассказать о Боге?

Жители деревни, конечно, ответили:

– Нет, мы не знаем, что ты собираешься нам рассказать.

– Тогда, – сказал он, – это бесполезно. Если вы вообще ничего не знаете, вы не сможете понять меня. Нужна хотя бы небольшая подготовка, а вы совершенно не подготовлены. Я не буду говорить, потому что в этом нет никакого смысла.

И он вышел из мечети.

Жители деревни растерялись: что же делать? Они уговорили его прийти в следующую пятницу. Он пришел. И когда он снова задал тот же вопрос, все жители были к нему готовы. Он спросил их:

– Вы знаете, о чем я собираюсь с вами говорить?

– Да, конечно, – ответили те.

– Тогда нет необходимости говорить об этом, – сказал мистик. – Если вы уже все знаете, то и дело с концом. Зачем мне утруждать себя попусту и тратить ваше время?

И он вышел из мечети.

Жители деревни были совершенно сбиты с толку: что делать с этим человеком? Они были заинтригованы до предела. Должно быть, он что-то скрывает! Поэтому они опять уговорили его выступить.

Он пришел и снова задал тот же вопрос:

– Вы знаете, о чем я собираюсь вам рассказать?

На этот раз жители деревни оказались немного мудрее.

– Половина из нас знает, а другая половина не знает, – ответили они.

– Тогда мне незачем говорить, – сказал мистик. – Те, кто знает, могут рассказать тем, кто не знает.

Этот мистик – и мудрец, и глупец одновременно. Он кажется глупым, но он очень мудр в своей глупости; он кажется очень мудрым, но ведет себя как глупец. Если вы понимаете жизнь, тогда чем глубже вы идете, тем вам яснее становится, что выбирать нужно целое. А это означает, что вообще нет необходимости выбирать. Выбор рассекает целое на части, и что бы ни получилось в итоге, все будет фрагментарным и мертвым. Мудрость и глупость в жизни соединены в одно целое; если его рассечь, то глупость и мудрость будут существовать по отдельности, но и то и другое будет мертвым. Величайшее искусство жизни состоит в том, чтобы позволять этому целому находиться в таком равновесии, при котором мудрость несет в себе некоторое качество глу-

пости, а глупость несет в себе некоторое качество мудрости. Тогда вы тотальны.

Вот почему к Лао-цзы приходят лишь очень немногие из ищущих. Он кажется абсурдным, потому что иногда он ведет себя как мудрец, а иногда – как глупец. Вы не можете положиться на него, он непредсказуем; никто не знает, что он сделает в следующее мгновение – он живет от момента к моменту. Вы не можете, опираясь на него, создать учение: он не только мудрец, но также и глупец. На поверхности он всегда непоследователен.

Конечно, глубоко внутри у него есть своя логика, совершенная логика. Он настолько последователен, что логика есть и в его мудрости, и в его глупости, но чтобы понять это, нужно действительно углубиться в него. Поверхностное знакомство не поможет, этого мало; вам понадобится *самсанг*. Вам придется стать соучастником его жизни, только тогда вы сможете понять, что такое тотальность.

Будда мудр, Махавира мудр. В них невозможно найти ни толики глупости, они – само совершенство. А Лао-цзы – нет, Чжуан-цзы – нет, Ле-цзы – нет. Они противоречивы, парадоксальны, но в этом и заключается их красота. Будда монотонен. Если вы понимаете его сегодня, значит, вы понимали его вчера и также поймете его завтра. Он последователен – чист, логичен, линейен, он движется по прямой.

А Лао-цзы движется зигзагообразно, его бег похож на бег безумца. Вы поймете это, когда мы углубимся в его слова,

вы увидите, что его бег похож на бег безумца. Внешне его суждения не содержат особого смысла. Это самые обычные слова, какие только можно вообразить, но чтобы их понять, нужно полностью измениться. Будда находится на поверхности – он логичен, рационален; вы можете понять его без всякой медитации; вы можете понять его, не растворяясь в его существе. Будда понятен; Лао-цзы – нет. Его тотальность... Лао-цзы принимает и этот мир и другой, и принимает их тотально. Его не волнует другой мир; он знает, что другой мир вырастает из этого мира – тот мир вырастает из этого, поэтому к чему беспокоиться? Проживайте этот мир настолько красиво, насколько можете, настолько тотально, насколько можете, и другой мир естественным образом вырастет из этого мира. Это будет естественный рост.

Если вы встретите Лао-цзы, вы будете озадачены. Иногда он говорит что-то одно, а затем говорит нечто другое; он выносит одно суждение, а в следующем суждении полностью противоречит первому. Вот почему только очень редкие искатели могут понять его; вот почему не существует никакой организованной религии Лао-цзы. Ее не может быть. Только отдельные искатели могут его понять. Организованная религия должна быть совершенной, должна соответствовать вашему уму, должна соответствовать вам, потому что она заинтересована в толпе. Она нуждается в толпе.

Лао-цзы остается незагрязненным, чистым. Он не идет на компромиссы. Его тотальность непостижима – именно пото-

му, что он тотален, только редкие искатели способны понять его.

Чем более тотален человек, тем он непостижимее, поскольку все больше становится похожим на бога. Он не представляет собой нечто ясно очерченное. Он не похож на сад, выращенный человеком; он похож на дикие заросли, на лес, который не подчиняется никаким правилам и схемам, в котором все растет стихийно, бесконтрольно. И в этом есть своя красота. Как бы прекрасен ни был сад, в нем слишком чувствуется влияние человека, его рука видна во всем. Все посажено человеком, все распланировано, подстрижено им – симметрия во всем. А в диком лесу вы не найдете никакой симметрии, никакой логики. Если Бог – садовник, то, должно быть, он безумец. Зачем он вырастил такой лес? Будда похож на сад – сад королевского дворца; Лао-цзы похож на дикий лес, в котором можно заблудиться. Вы будете бояться, чувствуя, что на каждом шагу вас подстерегает опасность, любая тень будет пугать вас до смерти. Вот почему Конфуций говорит: «Не подходите близко к этому человеку. Никто не знает, как он себя поведет. Он либо безумец, либо самый мудрый человек. Но никто не знает, кто он на самом деле».

Третий вопрос:

Ошо,

У меня есть огромное желание слиться со Вселенной, но я по-прежнему остаюсь отделенным от нее, беспокойным,

бездомным. Почему? Что сдерживает меня и что можно сделать?

Само это желание сдерживает тебя. Огромное желание слиться со Вселенной отделяет тебя от нее. Отбрось желание и слияние произойдет само по себе.

Этого не происходит из-за твоего сильного желания, ибо именно желание отделяет тебя от Вселенной. Кто тот, кто желает? Кому принадлежит это сильное желание? Сильное желание создает сильное эго – и возникает подавление. Кто сказал тебе, что ты отделен и что тебе надо слиться? Ты никогда не был отделен, поэтому – зачем себя подгонять? Ты и так един со Вселенной.

Посмотри на ситуацию с другой точки зрения. Лао-цзы говорит, что ты един с существованием, ты не отделен. Ты никогда не был отделен, этого не могло произойти. Разве это возможно? Ты живешь в океане божественного, или в Дао, – называй это как угодно. Как ты можешь быть отделен? Поэтому за первым неправильным утверждением «Я отделен» следует второе неправильное утверждение «Мне надо слиться». Но если ты попытаешься слиться, то останешься отделенным. Просто посмотри, просто понаблюдай и пойми: ты никогда не был отделен. Кто дышит в тебе? Думаешь, это ты? Кто живет в тебе? Думаешь, это ты? Кто рожден в тебе? Имеешь ли ты об этом хоть какое-то представление? То, что рождено в тебе, то, что живет в тебе, то, что дышит в тебе, –

это целое. И тогда это просто мысль: как слиться? Тебе никогда не удастся этого сделать. Просто посмотри, как обстоят дела. Ты уже внутри.

Говорят, что, когда Лин Чи, плача и стеная, пришел к мастеру и спросил, как стать буддой, мастер сильно ударил его по лицу, отвесил ему оплеуху.

Лин Чи был ошарашен.

– Что ты делаешь? Я задал неправильный вопрос?

Мастер ответил:

– Да. Это самое неправильное, что вообще можно спросить. Повтори свой вопрос, и я ударю тебя еще сильнее. Как глупо! Ты – будда... И ты спрашиваешь меня, как стать буддой?

Попав однажды в ловушку вопроса, как стать буддой, ты в течение миллионов жизней будешь упускать самое главное. Ты всегда был буддой.

Это случилось в жизни самого Будды. В одной из своих прошлых жизней он услышал о человеке, который стал буддой. Он пошел к нему и коснулся его ног. И он был поражен, потому что, как только он это сделал, будда немедленно сделал то же самое – коснулся его ног.

Он сказал:

– Я не понимаю. Я коснулся твоих ног, потому что я неве-

жественный человек, я еще в поиске. Но зачем ты коснулся моих ног? Ведь ты уже просветленный!

Но будда засмеялся и ответил:

– Ты можешь пока не знать. Я вижу, что ты еще не знаешь, кто ты. Но я хорошо знаю тебя. В тот момент, когда я осознал, кто я, я осознал, что такое существование в целом. Но ты, возможно, пока этого не знаешь. Возможно, тебе потребуется еще немного времени, чтобы понять, кто ты.

Состояние будды – это не достижение. Это просто осознание того, кем ты являешься, просто воспоминание. Поэтому не спрашивай меня, как слиться со Вселенной. Когда у тебя есть сильное желание слиться, тогда чем сильнее ты желаешь, тем труднее этого достичь. Желание – это преграда. Поэтому, пожалуйста, оставь желание и оглядись вокруг. Кто ты? Есть божественное, тебя – нет. Ты – это ложное представление, фантазия, надутый пузырь, просто пузырь и ничего больше. И когда желание становится слишком сильным, ничего не происходит – только нагревается воздух... Пузырь, надутый горячим воздухом, – и только. Остынь немного. Просто оглянись вокруг: ты всегда был в океане, ты больше нигде и не мог быть. Ты не мог быть в другом месте, потому что больше ничего нет. Нет ничего, кроме божественного, или Дао. Поэтому, чем раньше ты осознаешь всю глупость самого желания слиться, тем лучше. Ты уже являешься тем, кем ты хочешь стать.

Это послание всех пробужденных: ты уже являешься тем, кем ты хочешь стать.

Ты и есть цель. Ты никогда не покидал дома.

Есть одна прекрасная история, которая выглядит немного богохульной – только дзен-буддисты могут придумать такую. Они так сильно любят своего мастера, они так сильно любят Будду, что могут даже позволить себе сочинять подобные истории.

Это история о том, как обезьяна пришла к Будде.

Обезьяна символизирует человека, его ум. Ум – это обезьяна. Чарльз Дарвин понял это очень поздно, но мы всегда знали, что человек наверняка произошел от обезьяны, потому что в нем сохранилось что-то обезьянье. Просто посмотрите на свой ум: он непрерывно болтает, – а потом посмотрите на обезьяну, прыгающую по дереву. Вы заметите сходство.

Обезьяна пришла к Будде, но это была не обычная обезьяна. Это был царь, обезьяний царь – то есть самая совершенная обезьяна.

Обезьяний царь сказал Будде:

– Я хочу стать буддой.

– Я никогда не слышал, чтобы кто-то стал буддой, оставаясь при этом обезьяной, – ответил Будда.

– Ты не знаешь моей силы, – настаивал обезьяний царь. – Я не простая обезьяна.

Ни одна обезьяна не считает себя обычной, все они считают себя выдающимися – это свойство их обезьяньей сущности. Поэтому он продолжал:

– Я не простая обезьяна. Что ты такое говоришь? Я – обезьяний царь.

Будда спросил:

– У тебя есть какая-нибудь особенная, необычная сила? Не можешь ли ты мне ее показать?

Обезьяний царь ответил:

– Я могу допрыгнуть до края мира.

А он умел прыгать, он постоянно прыгал по деревьям.

Тогда Будда сказал:

– Хорошо. Вставай ко мне на ладонь и допрыгни отсюда до края мира.

Обезьяний царь старался изо всех сил – он действительно был очень сильной, очень мощной обезьяной. Он взлетал, как стрела, он взлетал, взлетал, взлетал... Прошли месяцы и – как гласит история – годы. И наконец обезьяний царь добрался до самого края мира.

Он засмеялся и воскликнул:

– Посмотри! Самый край!

Он бросил взгляд вниз. Там была бездна. Пять колонн у ее края обозначали границу мира. Царю обезьян пора было возвращаться. Но он должен был как-то доказать, что до-

брался до этих колонн. Поэтому он пометил место: пописал у одной из колонн – обезьяна, что с нее взять!

Прошли годы, и обезьяний царь вернулся назад. Он пришел к Будде и сказал:

– Я был у края мира и оставил там метку.

Будда ответил:

– Просто посмотри вокруг.

Обезьяний царь огляделся и увидел, что в на самом деле он не сходил с места. Эти пять колонн были пятью пальцами Будды. И они воняли... Он был там с закрытыми глазами... Должно быть, он спал.

Ум – это обезьяна с закрытыми глазами, спящая обезьяна. Ты никогда никуда не ходил, ты всегда был здесь и сейчас – потому что больше ничего не существует. Просто открой глаза. Просто открой глаза и посмотри вокруг – и внезапно ты рассмеешься. Ты всегда был укоренен в высшем бытии, – нет необходимости сливаться с ним. Все что нужно – это быть внимательным к тому, где ты находишься, к тому, кто ты.

И оставь эту глупость – страстное желание. Желание – это преграда; страстное желание – это еще большая преграда. Желания завлакивают ум, как облака. Желания создают вокруг тебя дымовую завесу, туман, – и тогда ты не можешь видеть истинного положения вещей.

Четвертый вопрос:

Ошо,

Ты говорил о гармонии противоположностей. Я чувствую, что ненависть убивает любовь, а гнев убивает сострадание. Крайности борются друг с другом внутри меня. Как я могу найти гармонию?

Ты абсолютно не прав. Если бы ненависть убивала любовь, а гнев убивал бы сострадание, то у них не было бы ни единого шанса – у любви и сострадания не было бы ни единого шанса на существование. Если ты так думаешь, значит, ты оказался в ловушке и не можешь из нее выбраться. Ты прожил тысячи жизней в ненависти – любовь уже должна была бы быть убитой. Ты прожил тысячи жизней в гневе – сострадание уже должно было бы быть уничтожено. Но посмотри... Любовь все еще здесь. Ненависть приходит и уходит, любовь остается. Гнев приходит и уходит, сострадание остается. Ненависть не может убить любовь, ночь не может убить день, а тьма не может убить свет. Нет, они остаются.

Поэтому первое, что нужно понять: они не убиты. Это первое. А второе, что ты должен будешь понять, станет очевидным для тебя только тогда, когда ты действительно полюбишь. Ты не любил – в этом все дело, а не в ненависти. Вопрос не в ненависти – просто ты еще не любил. Дело не во тьме – причина в том, что в тебе нет света. Если появляется свет, тьма исчезает. Ты не любил. Ты фантазировал, ты

выдумывал, ты мечтал, но ты не любил.

Люби. Я не утверждаю, что если ты полюбишь, ненависть немедленно исчезнет, – нет. Ненависть будет сражаться. Все стремится к жизни. Ненависть будет сражаться. Чем сильнее ты любишь, тем сильнее будет проявляться ненависть. Но ты удивишься: ненависть приходит и уходит. Она не убивает любовь – скорее, она укрепляет ее. Любовь может voltar в себя и ненависть. Если ты любишь человека, в какие-то моменты ты будешь и ненавидеть его тоже. Но это не убивает любовь – скорее, это ее обогащает.

В конце концов, что такое ненависть? Это желание уйти. Что такое любовь? Это желание быть ближе. Ненависть – это желание расстаться, разойтись. Любовь – это желание брака, близости, единения. Ненависть означает быть двумя отдельными личностями, быть независимыми. Любовь предполагает единение, взаимозависимость. Когда вы ненавидите, вы уходите от своего возлюбленного. Но в обычной жизни люди уходят лишь для того, чтобы вернуться обратно.

Это похоже на то, как вы заботитесь о своем желудке: вы голодны – и вы едите, потом вы насыщаетесь – и голод уходит. Когда вы любите человека, это похоже на процесс питания. Любовь – это пища, очень тонкая, духовная, но это пища: она питает. Когда вы любите кого-то, голод затихает и вы чувствуете насыщение – затем внезапно возникает желание уйти и вы расстаетесь. Но потом вы снова почувствуете голод и вам захочется подойти ближе, оказаться рядом с воз-

любленным, захочется любить, захочется раствориться друг в друге. Вы едите, а затем на четыре, пять, шесть часов забываете о еде; вы не остаетесь на кухне, не продолжаете сидеть за столом и бездельничать. Вы уходите, но через шесть часов вы возвращаетесь назад – проснулся голод.

Любовь предстает в двух обличьях – это голод и насыщение. Вы принимаете голод за любовь. Как только вы понимаете, что ненависти нет, а есть состояние, необходимое для возникновения голода, тогда ненависть становится частью любви. Тогда она обогащает любовь. Тогда гнев становится частью сострадания и обогащает сострадание. Сострадание, не допускающее никакой возможности для гнева, бессильно, в нем нет энергии. У сострадания, допускающего гнев, есть энергия, жизненная сила. Любовь, не допускающая никакой возможности для ненависти, выдыхается. Тогда брак становится похожим на тюрьму, вы не можете сбежать. А любовь, включающая в себя ненависть, – это свобода; такая любовь не иссякнет никогда.

Согласно моей математике жизни разводы случаются только потому, что каждый день вы оттягиваете разрыв. Разрыв начинает зреть изнутри, и однажды он убивает брак, полностью разрушает его. Если вы понимаете это, то я предложил бы вам не ждать: разводите каждый день и снова женитесь. В этом должен быть такой же ритм, как и в смене дня и ночи, голода и насыщения, лета и зимы, жизни и смерти. Утром вы любите, в полдень – ненавидите. Когда вы лю-

бите, вы действительно любите, вы любите тотально; когда вы ненавидите, вы ненавидите тотально. И неожиданно вы обнаруживаете в этом красоту: красота заключена в самой тотальности.

Тотальная ненависть тоже прекрасна, она так же прекрасна, как и тотальная любовь; тотальный гнев тоже прекрасен, он так же прекрасен, как и сострадание. Вся красота в тотальности. Гнев сам по себе отвратителен, ненависть сама по себе отвратительна – это просто долины без холмов, без вершин. Но вершина и долина вместе превращаются в прекрасный пейзаж: с вершины долина кажется восхитительной, а вершина великолепна, если смотреть на нее из долины.

Вы движетесь, и река вашей жизни течет между двумя берегами. И постепенно вы все лучше и лучше начнете понимать математику жизни и перестанете думать, что ненависть противостоит любви – они дополняют друг друга. Вы больше не будете думать, что гнев противостоит состраданию – они дополняют друг друга. Вы больше не будете думать, что отдых противостоит работе, а ночь противостоит дню – они дополняют друг друга. Они создают совершенное целое.

Так как ты не любил, ты боишься ненавидеть – ты боишься, потому что твоя любовь недостаточно сильна, ненависть может разрушить ее. На самом деле ты не уверен, любишь ли ты вообще, – вот почему ты боишься ненависти и гнева. Ты знаешь, что они могут полностью разрушить дом. Ты не уверен, существует ли дом, или это только твоя фанта-

зия, воображение. Если это воображаемый дом, то ненависть разрушит его; если это настоящий дом, то ненависть сделает его крепче. Когда заканчивается шторм, приходит тишина. Когда отступает ненависть, влюбленные снова готовы упасть друг другу в объятия – такие свежие, как будто встретились в первый раз. Снова и снова они встречаются, снова и снова – как в первый раз.

Влюбленные всегда встречаются впервые. Если вы встречаетесь второй раз, то любовь уже состарилась, стала затхлой. Она стала скучной. Влюбленные всегда влюбляются каждый день – свежие, юные. Вы смотрите на свою женщину и даже не можете узнать ее – настолько по-новому она выглядит. Вы смотрите на своего мужчину, и он кажется вам незнакомцем; вы влюбляетесь снова.

Ненависть не разрушает любовь, она разрушает только застой в ней. Она очищает; и если вы поймете это, вы будете благодарны ненависти. А если вы сможете быть ей благодарными, в вас возникнет понимание, и теперь ничто не сможет разрушить вашу любовь. Теперь вы впервые твердо стоите на ногах; теперь вы можете впустить в себя шторм и стать благодаря ему сильнее, богаче.

Не смотрите на жизнь, как на нечто двойственное, не смотрите на нее, как на конфликт – это не так. Я познал, я испытал это сам – это не так. Жизнь – это единое целое, в ней все соответствует друг другу. Вам нужно просто понять, как позволить этому соответствовать, как разрешить этому

соответствовать. Позвольте всему соответствовать друг другу. Это прекрасное целое.

И если хотите знать мое мнение, я скажу, что даже если бы мир и мог существовать без ненависти, я бы не выбрал такой мир; он был бы совершенно мертвым и скучным. Он был бы таким сладким и приторным, что вам захотелось бы соли. Если бы мир мог существовать без гнева, я не выбрал бы его, потому что сострадание безжизненно без гнева. Противоположности создают напряжение, противоположности закаляют. Когда железо проходит через огонь, оно превращается в сталь; без огня оно не может стать сталью. И чем выше температура в топке, тем лучше закалка, тем прочнее сталь. Если ваше сострадание сможет пройти через гнев, то чем горячее гнев, тем мощнее будет закалка и сила сострадания.

Будда сострадателен. Он воин. Он вышел из касты кшатриев, самураев. Должно быть, в его жизни было много гнева – а потом, неожиданно, возникло сострадание. Махавира тоже вышел из кшатриев. На самом деле, хотя это выглядит странно, в этом есть определенная закономерность: все великие учителя, проповедующие отказ от насилия, вышли из кшатриев. Брамины не учили ненасилию. Известен только один брамин, которого считают аватарой, его имя Парушарам. Он был одним из самых жестоких людей в мире; брамин – и самый жестокий человек! Все двадцать четыре джайнских тиртханкара были кшатриями, Будда был кшатрием. Они говорят о ненасилии, сострадании, так как пере-

жили жестокость — они знают, что это такое, они прошли через это. Если брамин и попытается быть ненасильственным, его ненасилие будет очень поверхностным. Только кшатрий, воин, прошедший через огонь, действительно сострадателен или, по крайней мере, у него есть возможность стать сострадательным.

Поэтому помните: если в вашем сердце борются противоположности, не выбирайте. Позвольте и тому и другому быть в вас. Будьте просторным домом, в котором достаточно места. Не говорите: «Пусть во мне будет только сострадание и не будет гнева; пусть во мне будет только любовь и не будет ненависти». Не обедняйте себя.

Места достаточно и для того и для другого. Не нужно создавать противостояние между ними; никакой борьбы нет. Вся борьба исходит из вашего ума, из того, чему вас научили, из вашего воспитания, ваших обусловленностей. Весь мир твердит: «Надо любить, не надо ненавидеть». Как может любовь существовать без ненависти? Иисус говорит: «Возлюбите врагов своих». А я скажу вам: «Также и ненавидьте своих любимых» — тогда возможно единое целое. Иначе то, что говорит Иисус, неполно, не завершено. Он говорит: «Возлюбите врагов своих». Вы только ненавидите. Он говорит, что надо любить — но вторая часть, в любом случае, отсутствует.

Я говорю вам: «Своих друзей, своих любимых вы должны также и ненавидеть. И ничего не бояться». Тогда постепенно вы увидите, что нет разницы между врагом и другом, пото-

му что вы ненавидите и любите врага и любите и ненавидите друга. Вопрос только в том, как упала монета: орлом или решкой. Тогда друг – это и враг, а враг – также и друг. Тогда различия исчезают.

Не создавайте борьбы внутри, позвольте существовать и тому и другому. И то и другое вам необходимо, это два ваших крыла – благодаря им вы сможете летать.

Последний вопрос:

Ошо,

Лао-цзы, возможно, великолепен, возможно, он – вершина мудрости, но сама эта высота делает его бесполезным для таких обычных людей, как мы. Другими словами, нельзя ли сказать, что Махавира, и Моисей, и Мухаммед гораздо более практичны и полезны?

Да, это так. Они гораздо более практичны и полезны. Но они полезны, потому что они не меняют тебя полностью; они идут на компромисс, они не трансформируют тебя тотально. Они кажутся полезными, они практичны, это верно – Мухаммед или Моисей – очень практичны, так как соответствуют твоему уму. Вот почему они кажутся практичными. Все, что кажется практичным тебе, они тоже считают практичным.

Лао-цзы совершенно противоположен твоему уму, и в этом – возможность трансформации. Мухаммед не транс-

формирует тебя. Ты можешь стать мусульманином, ты можешь стать хорошим человеком, ты можешь даже стать добродетельным, но ты останешься там же, где и был. Измерение не изменится. Махавира не изменит тебя – ты станешь лучше, но останешься тем же; подправленным, но тем же; очищенным, подкрашенным, обновленным, но тем же. С Лао-цзы ты будешь полностью разрушен и возрожден. Он – и смерть, и воскрешение.

Постарайся уяснить это. Тебе понятен Махавира, его расчеты подходят для твоего ума – его логика не превосходит твою. Вот почему его логика практична. И это не совпадение, что все его последователи становятся бизнесменами – расчетливыми, вычисляющими, практичными людьми. Это не совпадение, что все джайны становятся бизнесменами – способными к математике, умными, расчетливыми. И это не совпадение, что все евреи – самые расчетливые люди на земле, самый расчетливый народ, самый разумный народ. Джайны и евреи почти одинаковы; джайны – это индийские евреи. Почему это так? Моисей практичен, Махавира тоже практичен.

Я вспомнил один анекдот; он связан с самым началом человеческой истории.

Бог искал народ, который примет его десять заповедей. В мире царил хаос, и нужны были учение о морали и этика. Он обращался ко многим народам, но никто не хотел принимать его заповеди.

Он пришел к индусам и сказал:

– У меня есть десять заповедей, я хочу предложить их вам.

В них – вся философия жизни.

– Например? – спросили индусы. – Назови хотя бы одну...

– Не лги. Будь честным, – сказал Бог.

Индусы ответили:

– Это сложно в мире *майи*. В этой иллюзорности человеку нужна и неправда тоже. Иногда, в этом мире сновидений... разве человек может всегда говорить правду? Это будет сложно, а зачем создавать ненужные сложности?

Он обращался и к другим народам. Некоторые говорили, что сложно отказаться от прелюбодеяния, потому что жизнь станет пресной. Прелюбодеяние делает жизнь интересной, придает ей пикантность. Нет, это слишком, без прелюбодеяния и жить не стоит.

Бог расстроился. Его отвергли везде.

Говорят, что он пришел к Моисею и сказал:

– У меня есть десять заповедей, я хочу предложить их тебе.

Он уже начал бояться, поскольку это был последний народ, поэтому уточнил:

– Нужны ли они тебе?

Он ожидал, что Моисей спросит, что это за заповеди. Но тот не спросил. Он задал другой вопрос:

– Почему они? Сколько они стоят?

Бог ответил:

– Они ничего не стоят.

– Тогда я возьму два комплекта, – сказал Моисей.

Вычисляющие, умные, способные к математике, сообразительные – евреи составляют только два процента населения мира, но они дали восемнадцать процентов нобелевских лауреатов. Два процента населения и восемнадцать процентов нобелевских лауреатов! Это очень интересный феномен. Они обошли весь мир, но их отовсюду гнали, их не принимали нигде. Хотя они такие практичные и такие умные. Три человека, которые определили ход истории в двадцатом столетии, были евреями: Маркс, Фрейд, Эйнштейн.

Три человека изменили весь мир – они были евреями. Почему такое произошло? Все очень просто. Они были практичны. Лао-цзы непрактичен. Более того, Лао-цзы превозносит непрактичность.

Есть такая история.

Лао-цзы с учениками проходил через лес, в котором сотни плотников рубили деревья для строительства большого дворца. Практически весь лес был вырублен, осталось всего одно дерево, огромное дерево с раскидистой кроной – такой необъятной, что в ее тени смогли бы укрыться сотни людей. Лао-цзы попросил своих учеников узнать, почему это дерево оставили, хотя весь лес уже был вырублен и местность превратилась в пустыню.

Ученики пошли к плотникам и спросили:

– Почему вы не срубили это дерево?

Плотники ответили:

– Это дерево абсолютно бесполезное. Из него ничего нельзя сделать, потому что на каждой ветви множество узлов. Ни одной прямой ветви! Из него нельзя сделать опоры. Из него нельзя сделать мебель. Его нельзя распилить на дрова, так как его дым опасен для глаз – можно ослепнуть. Это дерево абсолютно бесполезно, поэтому мы и не тронули его.

Ученики вернулись к Лао-цзы с ответом. Он засмеялся и сказал:

– Будьте, как это дерево. Если вы хотите выжить в этом мире, будьте как это дерево – совершенно бесполезными. Тогда никто не причинит вам вреда. Если вы будете прямыми, вас срубят, и вы станете мебелью в чьем-нибудь доме. Если вы будете прекрасны, вас продадут на рынке, и вы станете вещью в чьем-нибудь доме. Будьте, как это дерево, абсолютно бесполезными. Тогда никто не сможет причинить вам вреда. Вы вырастаете огромными и необъятными, и тысячи людей смогут укрыться в вашей тени.

Через какое-то время Лао-цзы с учениками проходил через город. Все молодые люди этого города были призваны в армию.

Ученики заметили одного горбуна. Лао-цзы попросил учеников:

– Идите и спросите, почему этого человека не взяли в ар-

мию.

Горбун ответил:

– Как меня могут взять? Вы же видите, я горбун. Я бесполезен.

Ученики вернулись, и Лао-цзы сказал:

– Запомните. Будьте как этот горбун. Тогда вам не придется убивать других людей и вас самих не убьют. Будьте бесполезными.

Логика Лао-цзы совершенно не похожа на логику твоего ума. Лао-цзы говорит: будьте последними. Живите в мире так, как будто вас нет. Оставайтесь неизвестными. Не пытайтесь стать первыми, иначе вас растопчут. Не соперничайте, не пытайтесь показать, что вы чего-то стоите. Не нужно. Оставайтесь бесполезными и радуйтесь жизни.

Конечно, он непрактичен. Но если вы поймете его, вы убедитесь, что на более глубоком уровне, в глубине он самый практичный человек на свете – ведь жизнь дана нам для того, чтобы наслаждаться и праздновать, а не для того, чтобы просто быть полезными. Жизнь больше напоминает поэзию, чем вещь на рынке; она должна быть похожа на поэзию, на песню, на танец, на цветок у обочины дороги, который цветет не для кого-то одного – его аромат разносится ветром во все стороны; этот цветок ничей, он просто наслаждается собой, оставаясь таким, какой он есть.

Лао-цзы говорит: если вы пытаетесь быть умными, если

вы пытаетесь быть полезными, вас обязательно будут использовать. Если вы попытаетесь быть практичным, где-то вас обязательно впрягут в упряжку, потому что мир не может оставить практичного человека в покое... Отбросьте подобные идеи. Если вы хотите быть поэмой, экстазом, тогда забудьте о полезности. Оставайтесь верными самим себе, будьте собой. Как говорят хиппи, займитесь своим делом. Лао-цзы был первым хиппи в мире. Он говорит: будьте собой, занимайтесь своим делом и не волнуйтесь об остальном. Вы здесь не для того, чтобы вами торговали. Поэтому не думайте о полезности, думайте о блаженстве. Будьте блаженными, и если из вашего блаженства что-то расцветет – прекрасно, поделитесь этим. Не заставляйте себя быть полезными, потому что именно так происходят самоубийства. Человек себя убивает. Не будьте самоубийцами.

Все учителя в этом мире более практичны, чем Лао-цзы, вот почему они так привлекательны для людей. Вот почему вокруг них возникают большие организации: христиане (почти половина мира стала христианами), мусульмане, индуисты, джайны, сикхи – все они прагматики. Лао-цзы стоит в стороне, один. Лао-цзы исполняет в существовании собственное соло.

Но Лао-цзы – явление редкое, уникальное. Если вы сможете понять его, вы тоже станете необыкновенными и уникальными. А путь к этому – просто быть обычными, и тогда вы станете уникальными; путь к этому – просто быть послед-

ними, и тогда вы вдруг обнаружите, что вы – первые; путь к этому – не требовать уважения, и тогда никто не сможет отнять его у вас; путь к этому – быть никем, и тогда загадочным и непостижимым образом вы станете кем-то – с кем все существование будет радоваться и праздновать, благодаря кому все существование почувствует себя благословенным.

Достаточно на сегодня.

Глава 3. О качествах Дао

О качествах Дао Лао-цзы говорит:

Дао – это пустой сосуд,
Оно неисчерпаемо
И безмерно.

О Духе Долины он говорит:

Дух Долины вечен.
Его называют Мистической Женщиной.
Врата Мистической Женщины —
Это начало Неба и Земли.

Он вечен
И неизменен.
Черпайте из него,
И это принесет вам покой.

Мир Лао-цзы совершенно не похож на мир философии, на мир религии, на мир этики. Это даже не образ жизни. Лао-цзы не учит чему-то – он является этим «что-то». Он – не проповедник, он – присутствие. У него нет учения для вас – он может предложить вам только самого себя, предложить поделиться собой.

Если бы он был философом, все было бы проще – вы смогли бы понять его. Он – загадка, поскольку он не философичен. Он даже не антифилософичен, ведь и то и другое осно-

вано на логике. Он абсурден. Антифилософия, так же как и философия, полагается на логику, поэтому антифилософия – это не что иное, как философия. Великого антифилософа Нагарджуну все-таки можно назвать философом. Он говорит, он спорит, он рассуждает точно так же, как и любой другой философ. Он выступает против философии, спорит с философией, но его аргументация – та же самая. А логика – это шлюха.

Есть история, рассказанная Ле-цзы, одним из величайших учеников Лао-цзы. Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы – это три столпа мира Дао. Речь Лао-цзы состоит из афоризмов и коротких изречений, он ничего не конкретизирует, не уточняет. Поэтому Ле-цзы и Чжуан-цзы, будучи учениками Лао-цзы, также не уделяют внимания аргументации. Они также рассказывают притчи, истории, обращаются к аналогиям. Это слово – аналогия – нужно запомнить. Дао нельзя объяснить, можно только дать аналогию, некоторый намек. О Дао нельзя рассуждать, его можно только пережить. Поэтому нужно иметь глубоко сочувствующее сердце – ум вам не потребуется.

Ле-цзы рассказывает историю, которая случилась в его родном городе. Самый богатый человек города переправлялся через реку во время половодья. Началась сильная буря, и лодка перевернулась как раз на середине реки. Лодочнику каким-то чудом удалось спастись, но он не смог помочь бо-

гачу. Богач утонул. Были организованы поиски.

Один рыбак нашел тело – мертвое тело, – но запросил за него огромную цену и никак не хотел уступать. А семья не желала платить так много за мертвое тело, поэтому они обратились за советом к представителю закона, к адвокату, логику. Они хотели выяснить, можно ли что-то предпринять с точки зрения закона?

Адвокат сказал:

– Не о чем волноваться. Сначала заплатите мне, и я научу вас, что делать.

Он взял деньги и дал совет:

– Просто подождите. Он не может продать мертвое тело никому другому; ему придется уступить, потому что никто не купит это тело – поэтому просто ждите.

Семья последовала совету. Прошло два, три дня. Тело начало гнить, рыбак заволновался и подумал, что лучше бы уступить и взять столько, сколько ему предложат. Ситуация осложнилась. Никто другой не купит тело – он понимал это. Какой смысл торговаться? Но прежде чем принять решение, он пошел к адвокату – тому же самому.

Тот сказал:

– Сначала заплати мне, а потом я скажу тебе, что делать.

Адвокат взял деньги и дал совет:

– Просто подожди! Они могут купить тело только у тебя – им придется уступить.

Логика – это шлюха, проститутка. Она может быть «за», может быть «против». Она не принадлежит никому. Поэтому логика может быть за философию и логика может быть против философии.

Лао-цзы нельзя назвать антифилософом, потому что он не логик. Будда – антифилософ, он выступает против философии. Нагарджуна – антифилософ, он спорит с философией. Но не Лао-цзы. Он вообще не спорит, он констатирует. Он не старается убедить вас – нет, только не Лао-цзы. Все остальные тем или иным способом стремятся убедить вас, но не Лао-цзы. Он просто констатирует и не волнуется о том, верите вы ему или нет.

Но искушение, исходящее от него, велико. Он покоряет. Он притягивает. Он не пытается убедить, но его слова проникают глубоко в ваше сердце, и вы не можете опровергнуть то, что он говорит, потому что он не приводит никаких доводов. В этом – красота, и в этом его сила. Он просто констатирует факт. Ему не нужны обращенные, ему не нужны последователи – нет. Даже если вы готовы, он не примет вас. Но он искушает. Его искушение очень тонкое и завуалированное. Его искушение неагрессивно. Его искушение женственно.

Есть два типа искушения. Когда мужчина искушает женщину, он агрессивен. Он пытается достичь своего всеми способами, принимает инициативу на себя, расставляет ловушки; он прикладывает всевозможные усилия. Женщина искушает совершенно по-другому. Она не проявляет инициати-

ву, она не расставляет ловушек, она не бегает за мужчиной; более того, она делает вид, что мужчина ее не очень-то и интересует. Мужчина может потерпеть неудачу, но женщина искушает таким образом, что она никогда не проигрывает. Ее способ искушения очень тонок. Вы не можете выбраться из ее ловушки, в ней нет лазеек. Женщина преследует вас, не преследуя. Она охотится за вами в ваших мечтах – она не стучится в вашу дверь, но она охотится за вами в ваших мечтах; она не выказывает никакой заинтересованности, но становится вашей самой сокровенной фантазией. Это женская хитрость. А Лао-цзы глубоко верит в женский ум. Мы еще поговорим об этом.

Поэтому помните... Мир Лао-цзы принадлежит не логике, а аналогии. Логика – это нечто явное, прямое: либо вы убеждаете оппонента, либо – он вас; вы должны стать либо его последователем, либо противником. Вам придется сделать выбор. Для логических построений нужен активный ум. Это просто, в этом нет ничего сложного. Все вокруг что-то доказывают. В большей или меньшей степени все – логики; хорошие или плохие, но все – философы.

Если вы хотите понять Лао-цзы, старый способ не поможет. Вам придется отбросить логику, потому что Лао-цзы не является логиком, он не преследует вас, он не спорит с вами – если вы начнете спорить с ним, это будет просто смешно, потому что он никогда не спорит. Он просто приводит аналогию.

Что такое аналогия? Если у меня было какое-то переживание, которого не было у вас, как я могу вам его описать? Единственный способ – это аналогия: у вас было некоторое переживание – не совсем такое, как у меня, но есть какое-то сходство. Поэтому я говорю, что это похоже на ваше переживание – не точно такое же, но между ними есть небольшое сходство. Если это небольшое сходство понято, оно становится мостом.

Вот почему те, кто испытал наивысший экстаз, говорят, что это похоже на объятия любовников, на оргазм, на момент, когда секс достигает своего пика. Это аналогия. Они не утверждают, что «то» является «этим». Нет. Они не утверждают ничего подобного. Они просто говорят, что в вашем опыте нет ничего другого, что могло бы стать мостом.

Иисус говорит: «Бог есть любовь». Это аналогия. Самое высокое, что вы знаете в жизни – это любовь. В жизни бога любовь – это самое низкое. Низшая часть божественного и высшая часть человеческого встречаются; между ними возникает связь. Самое высокое, чего может достичь человек, – это любовь; и хотя для бога это самое низкое, можно сказать, что вы достигли его стоп. Если стопы найдены, вы можете найти всего Бога. Вот почему Иисус говорит: «Бог есть любовь». Это не означает, что любовь является Богом, но в вашем опыте нет ничего другого, что можно было бы использовать как аналогию.

Поэтому не пытайтесь понять Лао-цзы буквально, он го-

ворит аналогиями. Если он говорит: «Дух Долины», то это аналогия. Он говорит... не о долинах как таковых; но долины – это то, что вам знакомо. Говоря о долинах, он приводит вас к тому, о чем вы не знаете. Через то, о чем вы знаете, он приводит вас к тому, чего вы не знаете. Аналогия – это «ссылка на знакомое с целью объяснить незнакомое». Когда он говорит: «Дух Долины», он имеет в виду многое.

Аналогия несет в себе большой смысл. Логика всегда ограничена, аналогия – широка, необъятна. Чем больше вы ищете в ней, тем больше находите. Логика может истощиться, аналогия – никогда. Вот почему такие книги, как «Дао Де Цзин» или «Бхагаватгиту», или «Нагорную Проповедь» Иисуса можно читать, читать и читать, – они неисчерпаемы. Вы продолжаете все время находить в них что-то новое для себя, потому что они построены на аналогиях. Чем больше вы растете, тем больше вы можете видеть в них; чем больше вы видите, тем больше вы растете; и снова – чем больше вы растете, тем больше вы можете видеть. Поэтому эти книги не являются книгами в общепринятом смысле: они имеют свою собственную жизнь, это нечто живое. Вы не можете прочесть их однажды и забыть о них; нет, это не возможно. Книга, построенная на логике, может быть прочитана и понята, и на этом все кончается – вы можете выбросить ее в мусорное ведро. Но книга, построенная на аналогиях, очень поэтична: она меняется вместе с вашим настроением, она меняется в соответствии с вашими озарениями, она меняется в процес-

се вашего роста. Она дает вам разное видение в различных состояниях ума.

Аналогия остается той же самой – например, «Бог есть Любовь». Человек, который никогда не знал ничего кроме секса и который думает, что секс – это и есть любовь...

На Западе именно так и думают. Там, когда имеют в виду секс, говорят «заниматься любовью». Эти «занятия любовью» – полная ерунда, любовью нельзя заниматься, это не действие. Секс – это действие. Любовь – это не действие, это состояние вашего существа – вы можете быть в любви, но вы не можете заниматься любовью. Любовь случается, в ней нет усилия. Сексом можно заниматься, любовью – нет. Проститутка может дать вам секс, но не любовь – как вы можете создать любовь по заказу, за деньги? Невозможно! Как вы можете создать любовь за деньги? Она приходит сама по себе. Каким-то таинственным образом. Вы не можете управлять ею, только она может управлять вами. Вы не можете обладать ею, только она может обладать вами. Заниматься можно сексом, но не любовью. Вы можете заниматься сексом, вы не можете заниматься любовью – вы можете только быть в любви... Поэтому мужчина или женщина, которые считают, что секс – это и есть любовь, а половой акт – любовное действие, услышав слова Иисуса «Бог есть Любовь», будут думать – и они не могут думать по-другому, потому что это их аналогия, – что секс является Богом.

В Швеции сейчас снимается фильм о любовной жизни

Иисуса – они думают, что человек, который сказал: «Бог есть любовь», имел в виду, что Бог является сексом. Этот фильм будет самым большим богохульством, какое только можно представить, поскольку они хотят изобразить Иисуса, который занимается любовью, низведенной, в их понимании, до полового акта. Пока ни одна другая страна не готова позволить им снять такой фильм. Но он будет снят – этих людей трудно остановить. Любовная жизнь Иисуса означает для них только сексуальную жизнь.

Вы понимаете аналогию в соответствии со своей точкой зрения. Аналогия может дать вам только то, что вы способны вложить в нее. Человек, который любит не только сексуально, но и тотально... потому что секс – это ограниченное явление, физическое; в нем нет ничего неправильного, но он не тотален. Когда вы любите человека тотально, а не только сексуально, возникает не только физическое влечение, но и духовное, не только телесное... Это не значит, что тело отрицается, но в этом общем влечении телесное влечение составляет малую часть – и тогда у вас появляется совсем другое понимание высказывания «Бог есть Любовь». Аналогия становится для вас более глубокой.

Когда вы узнаете, что любовь выше секса, что секс исчезает в ней и сексуальная энергия трансформируется в экстаз, когда вы познаете такую любовь, тогда слова «Бог есть любовь» приобретут для вас совсем другое значение.

Таким образом, содержание аналогии зависит от вас. И

такую книгу аналогий, как книга Лао-цзы, нужно читать снова и снова – это работа всей жизни. Вы не можете прочесть ее просто как дешевую книжонку и выбросить. Это сокровище, которое нужно беречь, это работа всей вашей жизни; это предмет, который изучают всю жизнь, чтобы постичь аналогию.

Логика поверхностна. Вы можете понять Аристотеля, в нем нет ничего особенного. Но когда вы подойдете к Лао-цзы... Сначала вам может даже показаться, что в нем нет ничего особенного, но Лао-цзы не оставит вас равнодушным, он будет притягивать вас. Его притяжение женственно. Постепенно он завладеет вашим существом – вам следует лишь позволить это. Когда вы следуете путем логики, вам приходится сражаться, когда же вы следуете путем аналогий, вы должны быть сочувствующими, открытыми – только тогда аналогия может расцвести. Поэтому Лао-цзы можно понять только благодаря глубокому сочувствию, почтительному к нему отношению, глубокому доверию. Другого способа нет.

Если вы попытаетесь прийти к Лао-цзы через ум, вы никогда не поймете его. Вы будете ходить вокруг да около – но вы никогда не соприкоснетесь с его сущностью. Идите к нему через сердце. Аналогия – для сердца, логика – для ума.

Лао-цзы больше похож на поэта. Запомните это. Вы не спорите с поэтом – вы слушаете стихи, вы впитываете в себя их поэзию, вы размышляете над ними, позволяете им проникнуть в центр вашего существа, стать вашей плотью и кро-

вью, вы усваиваете их. Вы забываете слова, вы совершенно забываете стихи, но их аромат становится частью вас. Вы можете не помнить, что воспевал поэт, но вкус, аромат, смысл его песни вошли в вас. Вы стали более наполненными.

Лао-цзы может быть понят только тогда, когда вы наполнитесь им. Позвольте ему войти в вас. Откройте двери. Он даже не постучит, потому что в нем совсем нет агрессии. Он не станет убеждать вас, поскольку он не верит ни в какие убеждения. Он не человек ума, он полностью человек сердца. Он прост, его аналогии понятны даже крестьянину – они живые, они излучают свет, они наполнены энергией. Если вы откроетесь ему, внезапно вы окажетесь трансформированными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.